

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ

ВТОРАЯ
МИРОВАЯ ВОЙНА

ХРОНИКА ТАЙНОЙ ВОЙНЫ И ДИПЛОМАТИИ

Подарочное издание. Иллюстрированная
хроника тайной войны

Павел Судоплатов

**Вторая мировая война. Хроника
тайной войны и дипломатии**

«Алисторус»

1991-1995

УДК 94(4)«1939/45»
ББК 63.3(2)622

Судоплатов П. А.

Вторая мировая война. Хроника тайной войны и дипломатии /
П. А. Судоплатов — «Алисторус», 1991-1995 — (Подарочное
издание. Иллюстрированная хроника тайной войны)

ISBN 978-5-907120-85-3

Легендарный советский разведчик и диверсант Павел Судоплатов выполнял различные секретные поручения Сталина. С ноября 1938 года по июнь 1942 года он был одним из руководителей отечественной внешней разведки. С января 1942 года – начальник Четвертого управления НКВД-НКГБ (разведка и диверсии в тылу противника). С февраля 1944 года (одновременно со своими прочими обязанностями) – начальник группы (позже – отдел) «С», которая занималась агентурным добыванием и обобщением материалов по атомной проблематике. В первой половине девяностых годов он написал подробные и откровенные воспоминания об этом периоде своей жизни: «Разные дни тайной войны и дипломатии» (период с 1938 года по 1942 год) и «Победа в тайной войне» (1942–1945 годы). Книги были изданы спустя пять лет после смерти автора – в 2001 году. В новое коллекционное издание «Вторая мировая война. Хроника тайной войны и дипломатии» включены оба произведения автора. Оно иллюстрировано малоизвестными фотографиями того времени. Они позволяют по-новому взглянуть на то, о чем рассказал автор.

УДК 94(4)«1939/45»
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-907120-85-3

© Судоплатов П. А., 1991-1995

© Алисторус, 1991-1995

Содержание

Хроника тайной войны и дипломатии. 1938–1941 годы	7
Предисловие	7
Глава 1. Канун войны	10
Внешние и внутренние задачи ОГПУ-НКВД	10
Ахиллесова пята внешней разведки накануне войны	11
Персонификация внешней политики	13
Главное из главных	14
Кто руководил контрразведкой?	15
Спецагенты из иностранцев	18
Знаковое событие	20
Новое время – новые задачи	21
Недостигнутые цели	23
Глава 2. Эмиграция на службе Советов	54
Операция «Коридор»	54
Как разжигались противоречия	56
Вокруг Чехословакии	57
Военная разведка и эмигранты	59
Антисемитизм или борьба за власть?	60
Глава 3. Советско-германский пакт о ненападении	69
Гитлер, а не Сталин первым протянул руку	69
«Редактор», Бенеш и Рузвельт	72
Канделаки – торгпред и сталинский эмиссар	74
М. Розенберг: «Мои стремления к оперативной работе очевидны...»	75
Георгий Астахов	77
Глава 4. Зимняя война с Финляндией	84
Секретный диалог	84
«Дело 7 апреля»	85
Анализ уроков войны с Финляндией	88
Глава 5. Специальные операции НКВД на западе страны в 1939–1940 годах	94
Наши шаги навстречу противнику	94
На освобожденной территории	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Павел Анатольевич Судоплатов

Вторая мировая война. Хроника тайной войны и дипломатии

© Судоплатов П. А., 2020

© ООО «Агентство Алгоритм», 2020

Хроника тайной войны и дипломатии. 1938–1941 годы

Предисловие

Предлагаемые воспоминания – плод не одного года. В них – моя жизнь. Я пишу лишь о том, что пережил, говорю о тех событиях как свидетель или непосредственный участник. Происхождение некоторых событий, их мотивы мне не всегда были понятны. Не принято было в той системе, в которой проходила моя профессиональная деятельность, быть откровенным, распахнутым. Во всем должна была соблюдаться сдержанность. Иногда я ничего не знал, что происходило в соседнем кабинете. Значение слов, сказанных как бы мимоходом Сталиным, Молотовым, Берией, Микояном, Маленковым и другими руководителями страны, я осознавал значительно позже, после важных событий, произошедших во внутренней жизни и на международной арене.

О значении того или иного человека, его личности, чертах характера судят по его делам. Точно так же можно судить и о государстве. Чем крупнее событие, происходящее во благо страны, тем державнее государство, тем значительнее его вес в мире. Почему до сих пор внимание миллионов людей приковано к одному из величайших событий XX века – Великой Отечественной войне 1941–1945 годов? Да потому, что многие пружины, приведшие к победе советского народа в величайшей битве, долгое время были скрыты, неизвестны, о них знали лишь немногие. Только недавно стало известно о тайных операциях, которые проводили наши разведка и контрразведка нередко вместе с советскими дипломатами.

В последнее время в нашей печати появилось немало публикаций с воспоминаниями тех, кто называет себя либо очевидцами, либо участниками крутых поворотов в нашей истории, действий разведки и тайной дипломатии. В этих работах очень много наносного, выдуманных мифов и легенд. Особенно грешат ими те, кто по своему служебному положению в прошлом, как правило, по линии ЦК КПСС, имел значительные возможности ознакомиться с секретными документами из архивов КГБ, МИД. Однако цитируются теми, кто открестился от прошлой партийной работы – В. П. Наумовым и А. Н. Яковлевым – документы всегда выборочно, не полностью. Таким образом, чтобы даже посмертно скомпрометировать неудобных лиц данными из фальсифицированных уголовных дел, утративших свое юридическое значение. По возможности развеять их, снять ненужные наслоения – в этом тоже я вижу свою задачу. Это непростая миссия. Но она необходима. Чтобы точно оценить происшедшее, надо хорошо представлять себе подлинные мотивы акций советского государства в критические периоды нашей истории, отбросив обывательские представления. Чтобы не делать в будущем ошибок, нужно глубоко знать подлинную подоплеку героики и трагедии прошлого. Истины простые, только не все следуют им. Оттого и рождаются мифы, возникают недомолвки, недосказанности, да и просто вымыслы.

Ряд соображений об известных событиях должен стать известным лишь после моей смерти.

В 1939 году, после того как П. Фитина, молодого журналиста, пришедшего сразу на руководящую работу в органы НКВД, недавно окончившего ускоренные курсы разведывательной Школы особого назначения (ШОН), и меня назначили руководителями Иностранного отдела (внешней разведки), Берия, тогдашний нарком НКВД, счел нужным разъяснить нам основные направления наших государственных интересов в тайных взаимоотношениях со странами Запада. Его высказывания со ссылками на «указания тов. Сталина» резко контрастировали с официально провозглашенными на XVIII съезде ВКП(б) целями «советской внешней политики». Считаю нужным воспроизвести их по памяти.

«Не думайте, что ликвидация Троцкого может подменить трудную и важнейшую вашу задачу обеспечения по линии разведки важнейших акций советской внешней политики, – говорил Берия. – Надо научиться защищать методами агентурной работы наши позиции в местах, где у нас переплетены интересы с противником и где без тайного сотрудничества в силу ряда соображений ни англичанам, ни французам, ни американцам, ни японцам, ни немцам без нас не обойтись. И наша разведка должна сопровождать акции действия советской дипломатии, во главе которой поставлен В. Молотов».

И меня, и Фитина удивило, что Берия сказал о том, что наши послы и поверенные в делах в Чехословакии, Китае, Франции, Германии и США выполнили первую часть своей миссии – провели тайный зондаж намерений в сфере взаимных отношений с руководством Англии, Франции, США и Германии. «Мы нужны этим господам, – продолжал он, – поскольку передел господствующих позиций американцев, англо-французов, немцев и японцев в Европе, Китае и на Дальнем Востоке неизбежен в ближайшее время. Тов. Сталин считает, – говорил Берия, – что этот передел выльется в военное столкновение. Для вашей ориентировки имейте в виду, нам, в отличие от царских дураломоу в 1914 году, следует как можно дольше оставаться в стороне от схватки. Мы будем воевать только тогда, когда нам это будет выгодно».

Во время этой встречи мы узнали, что наиболее глубоко тайный обмен мнениями происходил в Германии, Турции, Финляндии, Швеции. Там советским послом была А. Коллонтай. И хотя Коллонтай, заметил Берия, «сочувствует разгромленной оппозиции», трогать ее мы не будем. Нам важно сохранить ее как участника тайных переговоров, уже имевших место. Имейте это в виду на ближайший год, отмечал Берия, независимо от тех материалов, которые на нее придут.

«В Китай, – говорил он, – с тайной миссией к Чан Кайши предполагалось направить Панюшкина в качестве и посла, и резидента разведки. Но определять содержание диалога с американцами о противостоянии японцам в этой стране будет не Панюшкин, а Уманский, наш посол в США. Он же должен был заняться поддержанием отношений с Бенешем, когда тот приедет в Америку из Европы. Имейте в виду, – наставлял Берия, – что Уманский будет выполнять одновременно ряд обязанностей главного резидента НКВД во всей Америке. По Германии мы определимся особо позднее, так считает тов. Сталин».

Мы молчали. Я попросил дать разъяснения по операции, связанной с Троцким. На что получил ответ: дело это исключительно важное. Троцкий, добавил Берия, должен быть уничтожен к началу большой войны, чтобы обезглавить остатки пятой колонны. Занимайтесь этим делом каждодневно, сказал Берия, но ликвидировать его можно и нужно с учетом того, что его одновременно используют и ненавидят как в Америке, так и в Европе.

В книге использованы материалы документов:

Пост. ПБ ЦК ВКП(б) № П34/25 от 14.06.41 и Указа Президиума ВС СССР от 17.06.41 «О награждении тт. Меркадер К. Р., Эйтингон Н. И., Василевского Л. П. и др.».

Указ Президиума ВС СССР от 31.05.60 – закрытый.

Пост. СНК СССР от 24.06.41 «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», объявленное пр. НКВД СССР от 26.06.41.

Пр. НКВД СССР № 00882 от 5.07.41.

Пост. ПБ ЦК ВКП(б) № П34/287 от 30.07.41 «О назначении руководящих работников НКВД СССР», объявленное пр. НКВД СССР № 00984 от 31.07.41.

Пр. НКВД СССР № 001435 от 3.10.41.

Пр. НКВД СССР № 00145 от 18.01.42.

Справка о штатах и структуре НКВД СССР от 20.05.42.

Пр. МГБ СССР № 00447 от 9.10.46.

Пр. МГБ СССР № 569 от 15.02.47.

Записка МГБ СССР № 6990/А от 4.08.50 И. В. Сталину.

Пост. ПБ ЦК ВКП(б) № П77/310 от 9.09.50, объявленное пр. МГБ СССР № 00532 от 28.09.50.

Пост. ПБ ЦК ВКП(б) № П77/309 от 9.09.50, объявленное пр. МГБ СССР № 00533 от 28.09.50.

Пр. МВД СССР № 00318 от 30.05.53.

Пр. МВД СССР № 00601 от 31.07.53.

Записка МВД СССР № 876/к от 17.09.53 в Президиум ЦК КПСС.

Глава 1. Канун войны

Внешние и внутренние задачи ОГПУ-НКВД

Центральный госпиталь КГБ, новое здание недалеко от станции метро «Щукинская». Отделение кардиологии. Небольшая палата, больничная койка. Неприятная обстановка. Шепотом говорящие люди. За дверью слышны чьи-то неторопливые шаги. В палате все время горит свет. Это несколько напоминает тюремную камеру. Тем не менее разница огромна. Там можно было только думать, а тут не только думать, но и писать без постоянного контроля над тобой. После августа 1991 года и развала советского государства как-то по-особому ярко и четко вспоминается то великое и историческое время, когда ценой огромных усилий, человеческих жизней, колоссальным напряжением сил отстаивалась от нашествия фашистско-немецких полчищ шестая часть земли с названием Союз Советских Социалистических Республик.

Из головы все время не выходит катастрофа страшного обвала, потрясающей гряды, предательства военных, предательства чекистов, когда никто не вспомнил ни о присяге, ни о долге, чтобы защитить страну, защитить государство, интересами которого жили все советские люди. Если говорить по большому счету, то никто не встал на пути страшной кровавой драмы, которая развязалась на глазах всего мира. Сейчас огненные языки войны, локальные и этнические конфликты подступают к самому сердцу России со всех сторон. Война протекает то в явной, то в скрытой форме. На душе тревога, что будет впереди? Мы явно вступаем в новый мир.

Память то и дело возвращает к кануну 1941 года, ко времени, когда неуклонно нарастала опасность беспощадного столкновения с враждебным нам миром. Выбор был прост: или мы останемся суверенным государством, или нас уничтожат. Сейчас много выходит различных рассказов из-под пера лиц, допущенных к архивам, к старым секретным документам, освещающим зигзаги и повороты нашей истории. Но полезно все-таки взглянуть на то, о чем мало пишут и не говорят, – каким путем мы шли к созданию великой державы, попытаться разобраться во всем этом с позиций того, что происходило на Лубянке в то время.

Роль органов госбезопасности в советской истории можно оценить только после того, как не стало Советского Союза, неотъемлемой частью которого они были, вернее, были опорой той системы. В журналистике, да и в литературе, существует утверждение о том, что с созданием ОГПУ вместо ЧК после гражданской войны менялись главные функции наших разведывательных и контрразведывательных органов. Отчасти это так.

ЧК существовала в условиях чрезвычайных, в условиях гражданской войны. После смерти Ленина главная спецслужба страны была реформирована в объединенное государственное политическое управление. Однако она по-прежнему оставалась аппаратом осуществления политических репрессий как внутри страны, так и за границей. Очень важно при этом понять, что репрессии рассматривались партией и советским руководством как необходимое, вынужденное действие, цель которого – подавление политической оппозиции и укрепление советского государства. Одновременно ОГПУ стало тем, что было несвойственно ЧК. Оно выполняло важнейшую задачу информационно-аналитического обслуживания руководства страны. В тридцатые – пятидесятые годы без соответствующего заключения ОГПУ-НКВД-МГБ о «фактическом», как говорил Ленин, «положении дел» руководство страны, как правило, не принимало никаких решений по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики.

Создание внешней разведки в органах госбезопасности было продиктовано необходимостью проведения прежде всего контрразведывательной работы за рубежом среди эмиграции. Поэтому все операции против эмиграции первоначально осуществлялись контрразведыва-

вательным отделом ОГПУ под руководством А. Артузова. И не случайно, что он, руководитель контрразведки в 1930 году, сменил М. Трилиссера на посту начальника внешней разведки. Внешняя разведка вплоть до 1939 года контрразведывательные задачи за границей решала в качестве главного направления своей деятельности.

Лишь в 1941 году после создания наркомата госбезопасности и организации в его структуре 1-го (разведывательного) управления перед разведкой были поставлены главные задачи в получении информации о намерениях правительств ведущих капиталистических стран, выявлении политических планов буржуазных государств, получении агентурным путем новых технологий для советской промышленности.

Разведка также должна была «активно сопровождать» мероприятия внешней политики СССР как крупнейшей державы мира. Но наряду с этим продолжалась и работа, начатая в контрразведывательных отделах ГПУ, по выявлению направленных против СССР заговоров и подрывной деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций, по вскрытию шпионской террористической деятельности на территории нашей страны иностранных разведывательных органов.

Смещение задач было связано с тем, что к началу 1941 года, то есть к кануну войны, разгром террористических, повстанческих и других антисоветских эмигрантских организаций в основном был завершен. Можно судить да рядить по поводу методов этой борьбы, однако очевидным является то, что активная оппозиция, жаждавшая войны против СССР и ратующая за сотрудничество с ведущими капиталистическими державами, была обезглавлена. В частности, было ликвидировано руководство Российского общевойскового союза. Он был полностью дезорганизован и никакой заметной политической роли в советско-германской войне уже сыграть не смог. Такой же эффект был получен и после ликвидации верхушки украинского националистического движения.

Нанося последние удары в тридцатых годах по руководителям ОУН и РОВС, спецслужбы СССР последовательно лишили эмиграцию доверия ведущих капиталистических государств, то есть того подспорья, на которое рассчитывали спецслужбы и военные круги западных стран, планируя будущее военное столкновение с Советским Союзом. Для руководителей западных спецслужб было совершенно очевидно, что ставка на ослабленную нами эмиграцию в борьбе против СССР хотя и важна и может принести ущерб нашей стране, но вместе с тем бесперспективна. В военном противоборстве с Советским Союзом придется рассчитывать только на свои силы.

Ахиллесова пята внешней разведки накануне войны

Создание агентурного аппарата и агентуры влияния за границей, опирающейся на Коминтерн, позволило решить важную задачу получения необходимой информации о намерениях противника. При этом следует иметь в виду, что поскольку дипломатические отношения были ограничены, а права послов – полномочных представителей Советского Союза за границей до 1939 года, в особенности до прихода Молотова, – были огромными, несопоставимыми с правами послов сороковых – пятидесятых годов, важность каналов разведки приобретала особое значение для предварительной проработки ряда крупных внешнеполитических акций, осуществляемых советским правительством по усилению роли СССР как великой державы.

Надо сказать, что координация деятельности органов внешней разведки и спецслужб всегда являлась ахиллесовой пятой в советском государстве. Первоначально роль координатора работы военной разведки, ОГПУ, наркомата иностранных дел, Коминтерна и зарубежной разведки выполнял М. Розенберг, работник ЦК РКП(б), известный как первый представитель Советского Союза в Лиге Наций в качестве заместителя ее генерального секретаря, первый посол СССР в республиканской Испании. Но вопрос координации деятельности спецслужб

заклучался не в том, чтобы ставить перед кем-то какие-то задачи, дополнявшие функции военной разведки, ОГПУ и дипломатии или чтобы поддерживать конкуренцию между спецслужбами. Реальность тогда состояла в том, что в главных капиталистических странах в двадцатые – тридцатые годы действовали объединенные резидентуры ОГПУ и Разведупра Красной армии, тесно взаимодействовавшие с отделом международной связи – нелегальным аппаратом Коминтерна. На первом этапе это помогло создать мощный агентурный зарубежный аппарат. Однако объединенные резидентуры Разведупра и НКВД в канун войны и когда она началась оказались очень уязвимыми. Связники и курьеры зачастую знали агентов, принадлежавших к различным советским спецслужбам. А провалы советской разведки в конце двадцатых – начале тридцатых годов в Польше и Китае вообще заставили в 1939 году отказаться от работы в рамках объединенных резидентур военной и политической разведки.

Важный момент для понимания событий того времени – соотношение деятельности Разведупра и разведки органов госбезопасности. Возьмем судьбу знаменитого руководителя советской разведки, вышедшего из контрразведки А. Артузова. Пишут как-то вскользь о том, что Артур Христианович Артузов, в оперативной переписке «Алексеев», возглавлял одновременно и Разведупр Красной армии, и ИНО ОГПУ. Почему это произошло? Потому что руководство страны после провалов в Европе и Китае искало наиболее приемлемую для себя форму координации разведывательной деятельности.

В 1930 году Бюро по координации деятельности разведки во главе с Розенбергом было упразднено. Тогда же на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) деятельность советской внешней разведки подверглась всестороннему критическому анализу, причем закордонная работа ОГПУ получила неудовлетворительную оценку. После вскрытия предательства Блюмкина Трилиссер был заменен Артузовым. В свете изменения внешнеполитической обстановки было принято решение пересмотреть приоритеты в работе разведки. Белоэмигрантское движение, противостояние которому являлось основной задачей ОГПУ в течение двадцатых годов, перестало представлять первостепенную угрозу для СССР.

Важнейшими направлениями работы Иностранного отдела (ИНО) были признаны создание надежной агентуры, способной добывать достоверную информацию политического, экономического и научно-технического характера, внедрение ее на жизненно важных объектах буржуазных государств. В 1933 году была определена структура центрального аппарата Иностранного отдела ОГПУ.

В 1934 году на Политбюро ЦК ВКП(б) был вновь поднят вопрос о закордонной работе советских спецслужб: Разведупра Красной армии и Иностранного отдела ОГПУ. Для разработки плана специальных операций за границей была образована постоянная комиссия в составе руководителей этих служб. Начальник ИНО ОГПУ А. Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведупра Красной армии.

В 1934 году в СССР существовало четыре самостоятельные разведывательные службы. Это Иностранный отдел НКВД, Разведуправление Красной армии, отдел международной связи Коминтерна и Специальная группа особого назначения при наркоме внутренних дел (СГОН) Я. Серебрянского («Группа Яши»). В этих условиях Артузов по совместительству был назначен заместителем начальника военной разведки. Почему? Потому что речь шла о необходимости кардинального укрепления контрразведывательного обеспечения закордонной работы нашей разведки. Опыт Артузова, знание им русской эмиграции, которая была одним из основных источников формирования агентуры, больше всего нужны были в этот период. Вскоре Артузова в качестве начальника ИНО сменяет А. Слуцкий. Артузов возвращается вновь в НКВД в 1937 году в качестве консультанта, рядового сотрудника.

Возьмем период репрессий. Ведь не случайно в 1937 году Разведупром Красной армии руководил старший майор госбезопасности Гендин. Дело в том, что, возглавляя одно время военную контрразведку, Гендин имел довольно хорошее представление о работе аппарата

военной разведки, знал компрометирующие материалы на его основных сотрудников. В годы войны мы также искали формы организационного взаимодействия в работе разведывательных органов как по линии госбезопасности, так и по линии военной разведки.

Мне довелось возглавлять не только 4-е управление НКВД-НКГБ, известное как диверсионно-разведывательное управление, но по совместительству в течение всей войны, за исключением, кажется, шести месяцев 1942 года, вплоть до июня 1946 года быть заместителем начальника всей внешней разведки госбезопасности. Этого требовала необходимость координации деятельности спецслужб, ибо зафронтовая работа против противника базировалась на использовании всего потенциала агентурных, оперативных и технических возможностей НКВД-НКГБ как внутри страны, так и за рубежом.

Персонификация внешней политики

В канун войны произошло очень важное, мало кем замеченное событие – персонификация внешней политики. Она замкнулась на конкретных руководителях советского государства: Сталина и Молотова. Разведка, как правило, не посвящалась в те внешнеполитические стратегические задачи, которые рассматривались высшим руководством страны. Только по мимо-летным суждениям Молотова, Берии, Микояна и Вышинского можно было иногда судить о мотивах принятых решений. Поскольку соображения «за» и «против» обсуждались на самом верху, для разведки была определена главная задача – поставлять руководству не анализ разведанных, а информацию о жизни советского общества и об обстановке за рубежом. Разведка, в дополнение к излагаемым данным, должна была докладывать «наверх» лишь соображения о том, заслуживает ли источник информации и его сведения доверия. Сообщения, касающиеся необходимости корректировки внешней политики государства по линии НКВД-НКГБ, Сталину в 1939–1941 годах не представлялись. Очень важно отметить, что эта традиция, установленная еще в советское время, продолжается зачастую и сейчас.

Если мы почитаем докладные записки того времени, направленные руководством наркоматов внутренних дел и государственной безопасности руководству страны, то увидим, что в них содержатся просьбы получить согласие на проведение очередной крупной операции, которая в военно-политическом плане означала новые нюансы в отношениях с иностранным государством, либо они касались вербовки особо важных сотрудников и использования определенных финансовых средств.

А с какими инициативами выступало руководство наркомата внутренних дел или наркомата госбезопасности в канун и во время войны, по каким вопросам государственного строительства? Чаще всего речь шла о расстановке кадров, о получении санкций на проведение агентурно-оперативных мероприятий, имеющих существенное политическое или международное значение. Но чаще всего предложения НКВД и наркомата госбезопасности накануне и в годы войны касались реализации директив правительства.

Иерархическая пирамида представления информации тех лет выглядела так. «Наверх» выходил народный комиссар, министр. Он докладывал и формулировал вопрос. Когда существовал Комитет информации под руководством члена Политбюро ЦК ВКП(б), 1-го заместителя председателя Совмина СССР, министра иностранных дел В. Молотова с 1947 по 1949 годы, то Молотов имел самостоятельный выход на Сталина. Начальник разведки выходил или на наркома, или на его заместителя. Такими людьми в канун и в годы войны были В. Меркулов и Б. Кобулов. Кобулов – заместитель Берии по НКВД в 1939–1941 годах – был единственный заместитель наркома госбезопасности в разгар войны, в 1943–1945 годах. Других заместителей, курировавших агентурную работу в НКГБ в тот период, не было. И это при громадном ее значении.

Важно и то, что начальник Разведупра Красной армии имел, в отличие от начальника разведки НКВД-НКГБ, в ряде случаев право самостоятельного выхода на высшее руководство, то есть на Сталина. Сталин регулярно принимал у себя в Кремле и на даче руководителей военной разведки, причем зачастую без участия в беседе начальника Генерального штаба. Однако руководителей внешней разведки органов госбезопасности и закордонных резидентов НКВД-НКГБ он всегда принимал вместе с их непосредственными руководителями – Берией, Меркуловым и Кобуловым.

Главное из главных

Главными подразделениями в НКВД накануне войны были: 1-е разведывательное управление, 2-е управление, 3-е, недолго просуществовавшее, секретно-политическое управление (СПО) и управление особых отделов.

Основным направлением в работе органов разведки и контрразведки являлось немецкое.

Главным направлением в работе особых отделов и военной контрразведки также было немецкое.

Главным направлением в работе секретно-политического направления по-прежнему был разгром антисоветских политических партий, остатков «троцкистского подполья» и тому подобных оппозиционных организаций внутри страны.

Первый отдел контрразведывательного аппарата был самым важным. Он разрабатывал агентуру немецкой и польской разведок. Второе направление было нацелено на Японию, которая считалась одним из главных наших противников. Третье направление занималось отслеживанием действий английской и американской резидентур. Разрабатывали контрразведчики и наших неактивных противников – главным образом действия спецслужб нейтральных стран на нашей территории. Очень важно отметить, что в составе контрразведывательного отдела было специальное подразделение, которое занималось охраной дипломатического корпуса.

В организации разведывательной работы за границей опять-таки ведущее направление было немецкое.

Второе – связано с Францией, Италией, странами, оккупированными немцами. Третье – нацелено на США. Оно также включало в себя научно-техническую разведку. Четвертое направление касалось Японии, Маньчжурии, Кореи и Китая. Специальным направлением считались Синьцзян, Монголия и другие территории на Дальнем Востоке.

Наряду с этими обстоятельствами следует отметить, что контрразведывательное управление и управление военной контрразведки, а также транспортное управление имели самостоятельные выходы за границу через соответствующую агентуру. Большую разведывательную работу проводило управление пограничных войск, которое имело свои собственные разведывательные отделы и в соответствии с положением о нем также отвечало за разведку театра военных действий в прифронтовой полосе. Это смешение функций очень отчетливо себя проявило в том, что информация, поступающая по различным источникам, нуждалась в правильной координации деятельности основных оперативных разведывательных подразделений. Зачастую это не удавалось осуществить. Скажем, управление пограничных войск вообще вышло в 1941 году из структуры органов госбезопасности и перешло в НКВД. Это удлинило сроки ознакомления с материалами разведки погранвойск руководства органов безопасности. Усложнилась реализация этих материалов. Курирование основных направлений работы также усложнилось, например, транспортное управление в канун войны осуществлялось в большой степени по линии НКВД, так как его начальник С. Мильштейн имел личный выход на Берию как на наркома внутренних дел, хотя формально работал в аппарате наркомата госбезопасности.

Контрразведывательную и разведывательную работу курировал заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов. К нему стекалась вся информация.

Эта структура НКВД-НКГБ дает нам основания понять два момента. Во-первых, не было никаких иллюзий, что главным противником является Германия, и, во-вторых, что источник войны находится в пределах Европейского театра военных действий. Работа Секретно-политического управления (СПУ) заключалась в том, чтобы парализовать во время войны, в особых обстоятельствах использование остатков антисоветских политических партий и организаций – основного резерва вражеских спецслужб в противоборстве с советским государством. Еще одно направление в работе СПУ, перешедшее из иностранного отдела, – недопущение вооруженных выступлений националистических организаций в поддержку главного вероятного противника. Главная нацеленность на оперативно-розыскные мероприятия всего аппарата госбезопасности сыграла очень большую роль в будущей войне. Никаких организованных групп, которые бы выступили в поддержку немцев, в нашем тылу не могло возникнуть. Так было всюду, за исключением Прибалтики и Западной Украины. По учетам НКВД, основные лица, которые могли сотрудничать с противником, были известны.

Но тем не менее масштаб содействия немцам в годы войны был все равно значительным. Во власовской армии и вспомогательных формированиях служило свыше 250 тысяч человек. После разгрома фашистской Германии у нас был создан мощный учетный аппарат. С его помощью мы хорошо знали участников формирований, оставшихся в эмиграции, а также тех, кто был захвачен в плен. После войны мы обладали всеми реальными возможностями не допустить использование этой силы в массовом порядке против советского государства. Мы знали людей, которых могли бы завербовать для своих целей западные спецслужбы. И это обеспечило локализацию так называемых повстанческих выступлений в Прибалтике и на Западной Украине в 1944–1950 годах. Исключена была возможность перехода вооруженной борьбы на внутренние районы страны.

Кто руководил контрразведкой?

Так совпало, что мое назначение заместителем начальника иностранного отдела в мае 1939 года было связано со значительными кадровыми перестановками, проведенными в аппарате органов госбезопасности и военной разведки.

Кто возглавлял главные направления работы госбезопасности в предвоенный период и во время войны в области контрразведки? Прежде всего следует отметить смену руководителей оперативных подразделений. 1-й отдел ГУГБ, отвечавший за охрану Сталина, в 1939 году возглавлял Власик, который от рядового работника охраны дошел до поста начальника охраны Сталина. Но, думаю, следует остановиться на тех, кто непосредственно руководил разведывательной и контрразведывательной работой. Среди деятелей этого направления того времени следует выделить прежде всего П. Федотова, первоначально возглавлявшего секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, то есть 2-й отдел, как он тогда именовался, и позднее тот же Федотов возглавлял 3-й отдел ГУГБ – контрольно-разведывательный. Первым заместителем его был Л. Райхман.

Петр Васильевич Федотов – кадровый работник органов безопасности, очень взвешенный человек, отличительной чертой его характера была медлительность в принятии решений. Тандем его инициативного заместителя Леонида Райхмана и медлительного Федотова, скрупулезно выполнявших все установки, шедшие сверху, просуществовал довольно долго, и сотрудничество этих людей, начавшееся в 1939 году, продолжалось вплоть до 1946 года, когда Федотов возглавил уже внешнюю разведку, первоначально в МГБ СССР, а потом в Комитете информации.

Надо сказать, что Райхман в 1946–1951 годах продолжал руководить контрразведывательной работой, став первым заместителем Е. Питовранова, начальника контрразведывательного управления с 1946 года, а позднее заместителя министра госбезопасности. Фактически

всю эту работу инициативно направлял Райхман вплоть до своего ареста в октябре 1951 года. Он был незаурядным, очень хорошо знающим агентурную работу человеком, совершенно искренне считавшим свою деятельность специальным направлением партийной работы. Райхман сам провел ряд важных агентурных комбинаций, в его распоряжении был мощный аппарат.

Первоначально особый отдел, то есть военную контрразведку, возглавлял В. Бочков – выпускник военной академии имени Фрунзе, пришедший по партийному набору. Он обладал довольно широким военным кругозором. В 1940 году он неожиданно был выдвинут на должность Генерального прокурора. Дело в том, что М. Панкратьев, сменив Вышинского, обвинил Берию в прекращении дел против «врагов народа», в освобождении лиц, по которым прокурор не усматривал оснований прекращения уголовного преследования. Было создано две комиссии по этим вопросам. Почему две? Панкратьев писал на Берию заявления дважды. Одно заявление было написано в 1939 году, сразу как Панкратьев стал Генеральным прокурором. По этому заявлению работала комиссия, которая не нашла злоупотреблений служебным положением и халатности по прекращенным делам. В 1940 году Панкратьев вновь написал заявление, в котором утверждал, что опять прекращаются дела, возбужденные в отношении врагов народа, и их прекращение, на его взгляд, является необоснованным, недостаточно согласованным с прокуратурой. Вторая комиссия также осуществила проверку и снова не нашла подтверждений. После этого Панкратьев был снят с должности Генерального прокурора, а на его должность был выдвинут Бочков, юридически совершенно неподготовленный человек, окончивший военную академию. Но тем не менее считалось, что он может провести в жизнь все необходимые директивы по правоохранительной деятельности.

С обстоятельствами отставки В. Бочкова с поста Генерального прокурора связаны трагические события, а именно убийство дочери посла СССР в Мексике К. Уманского и самоубийство сына министра авиационной промышленности Шахурина. Было возбуждено уголовное дело. Следствие по нему вел лично заместитель наркома ГБ Б. Кобулов и начальник секретно-политического управления, предшественника идеологической контрразведки КГБ, Н. Сазыкин. Бочков стремился замять его. Но Сталин приказал дать ему ход и рассматривать его как пример бытового разложения членов семей советского руководства. Дело быстро приняло политическую подоплеку. В него оказались втянутыми дети других ответственных работников, в частности члена Политбюро А. Микояна. Семьи Микояна, Шахурина и других наркомов жили в атмосфере постоянного напряжения и страха. Дети ответственных работников, принадлежавшие к «золотой молодежи» того времени, были осуждены за незаконное хранение и использование чужого огнестрельного оружия. Пытавшийся замять это дело Бочков был снят с должности Генерального прокурора и вернулся на службу в конвойные войска.

Значительно больший след в военной контрразведке оставил А. Михеев. Он запомнился мне инициативным работником, понимавшим, что главная задача военной контрразведки заключалась в ограждении наших вооруженных сил от проникновения вражеской агентуры и срыве разведывательно-диверсионных операций в ближнем тылу наших пограничных военных округов. Однако реализовывать эту задачу было непросто, так как за военной контрразведкой тянулся очень большой след старых дел 1936–1937 годов. Целые направления работы нацеливались «на разработку остатков троцкистско-бухаринского подполья и военных заговорщиков – сторонников Тухачевского в армии и на флоте».

Военная контрразведка в ущерб отслеживанию боеготовности Красной армии интенсивно занималась перепроверкой показаний соучастников и свидетельств так называемого военного заговора 1937–1938 годов. Михеев не раз говорил мне и Фитину об удручающей картине компрометирующих показаний на большую часть командного состава Красной армии, запрашивая заграничные материалы на наших военных руководителей.

Много раз встречавшийся со мной сотрудник отдела политических репрессий администрации президента Российской Федерации Л. Решин показывал мне ряд материалов о том, что

после массовых арестов 1937–1938 годов советское руководство в индивидуальном порядке решало вопрос о достоверности и серьезности этих материалов. По существовавшей тогда жесткой практике выписки из компрометирующих показаний на командный состав Красной армии докладывались ЦК ВКП(б) в обязательном порядке. А вот «наверху», похоже, отдавали себе отчет в том, что достоверность этих материалов вызывала сомнения.

Практика докладов о компрометирующих сигналах на высоких военных существует во все времена. В военном аппарате об этом прекрасно знают, так же как и то, что используют эти документы лишь из соображений политической целесообразности, за исключением случаев очевидных провалов в работе или конкретной вины за чрезвычайные происшествия. На среднем уровне НКВД существовало некоторое недоумение, что материалы уходили «наверх», как в песок. Так было не только с военными, но и группой видных деятелей нашей творческой и технической интеллигенции. Несмотря на «компрометирующие», по данным НКВД, факты, их награждали орденами и медалями за заслуги перед Родиной, за вклад в развитие науки, литературы и искусства.

Говоря о работе Райхмана, Федотова, Михеева, нельзя не остановиться на тех структурных направлениях, которые обеспечивали функционирование аппарата госбезопасности. В системе НКВД и МГБ была еще одна организация, обычно ассоциирующаяся с самыми темными делами, которые осуществлялись в период, условно можно сказать, сталинской эпохи ВЧК-НКВД. Речь идет о так называемом Особом бюро при наркомате внутренних дел СССР.

Многие отмечают, что в системе НКВД и в органах разведки и контрразведки в начале войны не существовало информационно-аналитических подразделений, поэтому информация агентуры очень часто получала субъективную оценку Сталина и Молотова. Но это не совсем так. Особое бюро при наркомате внутренних дел как раз и было центром информационно-аналитической работы. В его состав входило специальное отделение по систематизации и обобщению информации, направляемой в правительство. Эту большую работу возглавлял заместитель начальника Особого бюро А. Коссой, ставший позднее видным советским экономистом. На завершающем этапе войны и вплоть до конца 1946 года мне пришлось по совместительству возглавлять Особое бюро. Мы занимались подготовкой методических пособий, рассылкой указаний, обобщением информации о работе разведывательных и контрразведывательных органов противника, обобщением опыта чекистской работы. Справочная картотека Особого бюро на государственных деятелей зарубежных стран была важным подспорьем для оперативных отделов разведки и контрразведки. Информационная работа аналитиков велась четко, и зачастую материалы Особого бюро по запросу правительства представлялись в более короткие сроки, нежели справки, которые получались из разведывательных и контрразведывательных подразделений НКВД-НКГБ.

Транспортное управление, обеспечивающее контрразведку на транспорте, возглавлял С. Мильштейн, который одно время руководил секретно-политическим управлением НКВД. Это был довольно грамотный человек, необычной работоспособности, имевший опыт работы не только в органах государственной безопасности, но и в сельском хозяйстве и железнодорожном транспорте. Некоторое время он возглавлял сельскохозяйственный отдел ЦК партии Грузии. Мильштейн был одним из немногих, кто во время оперативных совещаний мог позволить себе разговаривать с Берией на «ты». Надо отдать должное аппарату, который возглавлял Мильштейн. Ни одной крупной диверсии не удалось совершить противнику на транспорте в канун и во время войны. Оперативная работа Мильштейна была построена очень эффективно, система функционировала безотказно.

Мощным подспорьем в деятельности ведущих оперативных подразделений стала получившая значительное развитие шифровальная и дешифровальная работа и радиоконтрразведка, возглавляемая Копытцевым, Шевелевым и Блиндерманом. В канун войны мы читали шифропереписку японского посольства в Москве и японского МИД. Связано это было с двумя

мероприятиями, которые мы успешно осуществили. Японский МИД свою диппочту в Москву отправлял нашими поездами без сопровождения. Во Владивосток она доставлялась в специальных вализах. 3-й специальный отдел НКВД сумел так наладить дело, что прямо в почтовом вагоне была создана небольшая лаборатория, сотрудники которой вскрывали японскую диппочту, фотографировали ее, вновь запечатывали так, что никаких следов вскрытия не оставалось.

Не могу не отметить, насколько скромно в количественном отношении формировался штат руководящих работников госбезопасности. Высшее руководство НКВД в 1939 году состояло из четырех заместителей наркома внутренних дел. Один из них – Меркулов. Он вел Главное управление госбезопасности. Первым замом Меркулова короткое время числился И. Серов, а затем Б. Кобулов. В феврале 1941 года было, как известно, принято важное решение о создании НКГБ, который должен был выполнять функции госбезопасности и охраны правительства. Его выделили из наркомата внутренних дел. Наркомом был Меркулов, первыми замами – Серов и Кобулов. Надо учесть и то, что в самый пик работы, с 1943-го по 1945 год, Меркулов имел только двух заместителей, причем один из них был замом по кадрам. Все это говорит о том, что штаты руководящих работников не раздувались. Работали сверх человеческих сил.

Спецагенты из иностранцев

Когда мы говорим о кадрах советской разведки и ее нелегального аппарата, важно выделить следующее обстоятельство. Что такое были для нее двадцатые – тридцатые годы? Становление советского государства с использованием кадров Коминтерна неизбежно ставило вопрос о том, что иностранные граждане и подданные в качестве спецагентов и источников информации зачастую превращались в штатных оперативных сотрудников Разведупра Красной армии, ИНО ОГПУ-НКВД и Особой группы Серебрянского. Достаточно припомнить такие фигуры, как бывшие польские офицеры в контрразведывательном и позднее в разведывательном отделах ОГПУ – Сосновский и Бодеско. Яркими личностями были нелегальные резиденты, ныне широко известные венгр Теодор Мали, австриец Ст. Дейч. Заметную роль в становлении советской разведки органов безопасности сыграл австриец подполковник Георг Миллер – участник рабочего движения, организатор и создатель «паспортного стола» – документов прикрытия для советских нелегалов в тридцатые – сороковые годы. Репрессии его не коснулись, так как он был уникальным специалистом. Он дал путевку в жизнь советским офицерам – мастерам паспортного дела, в частности полковнику П. Громушкину, изготовившему в годы войны прекрасные документы прикрытия для известного всей стране Пауля Зиберта – Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Наконец, начальник иностранного отдела Артузов также был советским гражданином иностранного происхождения.

Нельзя не отметить, что в штатах ОГПУ и Разведупра Красной армии на положении граждан иностранного происхождения оказалось много высокопоставленных сотрудников. Однако в тридцатые годы в связи с провозглашенным Сталиным «освежением кадров» началась закономерная проверка обстоятельств зачисления их в кадры советской разведки. На положении лиц, подлежащих тщательной проверке, оказалось подавляющее большинство спецагентов ОГПУ за границей, ставших штатными сотрудниками аппаратов разведки в центре и на периферии. Среди них оказались те, кто сыграл громадную роль в становлении разведывательной службы. Но после того, как советское государство укрепило свои позиции, как произошел разгром троцкистской оппозиции внутри страны и за рубежом, изменились отношения с ведущими капиталистическими странами и появились, наконец, свои кадры, получившие профессиональную подготовку и высшее образование, вопрос был поставлен руководством страны по-другому. Лица иностранного происхождения и имеющие родственников за границей не имели права состоять на действительной службе в советских органах военной и

внешнеполитической разведки и в системе органов безопасности. Это позволяет нам понять, почему, скажем, Теодор Мали, погибший в 1937 году, ряд видных работников разведки иностранного происхождения и т. д., будучи кадровыми сотрудниками, подвели под собой своеобразную черту. Ни Филби, ни Маклейн, приехавшие в СССР позднее, ни Кэтрин Гариссон, она же Кэти Харрис, кроме агентов и источников, будучи иностранцами, несмотря на получение советского гражданства, кадровыми сотрудниками не стали. И дело не в том, что кто-то бежал сюда, пройдя тюрьму, кто-то был более удачлив и оказался в Советском Союзе, не будучи формально засвеченным иностранной контрразведкой. Дело в том, что совершенно по-новому подбирались руководящие и оперативные кадры. Отбор происходил через систему специальных учебных заведений, появившуюся еще в тридцатые годы, которая применительно к разведке оформилась по указанию Сталина в Школу особого назначения. Поэтому прекращение существования Коминтерна в 1943 году было логичным прежде всего с точки зрения создания совершенно нового кадрового наполнения как Народного комиссариата иностранных дел, так и аппарата военной разведки и аппарата органов государственной безопасности.

Еще один важный вопрос, который заслуживает специального освещения. Это источники информации. Очень много пишется о том, что репрессии парализовали работу советской разведки. Это верно. Но они имели и другие далеко идущие последствия. Дело в том, что многие не отдают себе отчета в том, что в работе советской разведки было два этапа. Вначале была автономность, самостоятельность как за кордоном, так и внутри страны, когда резиденты и крупные работники имели право вербовки людей в ряде случаев без одобрения Центра. Этот период начал завершаться при Артузове в середине тридцатых годов. Если появлялся источник информации, то оформлялись соответствующие учеты, автоматически заводили дело, в котором подшивались все материалы по агенту. Но идеальных агентов не бывает. В любом деле накапливаются положительные и компрометирующие материалы. Переход к бюрократизации в середине тридцатых годов был связан с заведением пространных дел.

И арест, и увольнение из органов разведки довольно видных людей автоматически ставили вопрос о доверии к источникам информации и приобретенной агентуре.

Кроме того, сейчас, когда рассуждают о том, как можно было бросать тень недоверия на такие важнейшие источники информации, как Филби, Маклейн, Берджесс, Арвид Харнак и Харро Шульце-Бойзен, ставить под вопрос существование преданных нам кадров, которые в условиях подполья поставляли исключительно важную информацию? Здесь следует отметить важнейшее обстоятельство. Помимо репрессий и сфальсифицированных дел против сотрудников внешней разведки, применительно к группе Кембриджской пятерки, временное недоверие к ним было обусловлено наличием реального перебежчика В. Кривицкого, которого пытаются поднять на щит «борьбы со сталинизмом», и невозвращенца Орлова-Никольского. В. Кривицкий, сотрудничавший с английскими и американскими спецслужбами, дал им общую наводку на Филби и Маклейна. Орлов-Никольский знал подробности об их работе. И никто не мог поручиться, что, сбежав на Запад, он не предал этих людей. Не исключалось также, что Орлов-Никольский мог стать на путь сотрудничества с противником и спровоцировать перевербовку этих источников. Для любого имеющего опыт разведывательной работы является аксиомой прекращение контактов с агентами, если они находились на связи у оперативного работника, который исчез, а потом объявился на Западе. Не следует забывать и о том, что Филби, Маклейн, Берджесс лишь в годы войны и в последний период своей деятельности выросли в исключительно ценных агентов.

Наконец, есть еще одно очень важное обстоятельство. О разведывательной работе и сотрудничестве с нами знаменитой Кембриджской пятерки имел более или менее ясное представление один из близких этим людям человек, широко известный у нас в стране и за рубежом, — Виктор Ротшильд. Занимая видное положение в английской разведке, он фактически действовал как «двойник» — мы получали от него важную информацию. Близость к Ротшильду

бросала тень подозрений на характер этой информации, поступавшей в Москву от Филби и Берджесса. Ротшильда как источника информации и как канал дезинформации через наших резидентов в Лондоне А. Горского, И. Чичаева, К. Кукина мы использовали в течение всей войны. Покинувшего службу в английской разведке В. Ротшильда, как мне говорили, вплоть до восьмидесятых годов регулярно приглашали на все официальные приемы в советское посольство в Лондоне.

Знаковое событие

3 февраля 1941 года произошло разделение наркомата внутренних дел на наркомат госбезопасности и наркомат внутренних дел. Военная контрразведка тогда же формально была передана в подчинение наркомата обороны. Это событие можно считать знаковым. Видимо, у Сталина, как мне представляется, созрело решение о разделении функций спецслужб с целью выведения из-под контроля одного человека – Берии и непосредственного подчинения лично себе разных аспектов деятельности в области госбезопасности и охраны правопорядка. Что лежало в основе того, что военная контрразведка стала специальным органом, который был придан наркому обороны? Насколько мне известно (мне говорил об этом В. Меркулов), главной причиной такого решения было то, что Ворошилов – нарком обороны – мало получал документов непосредственно о реальной боеготовности войск, о реальном положении дел в округах. Почему? Да потому, что главными потребителями информации были ЦК ВКП(б) и управление кадров наркомата обороны. Причем их интересовала довольно своеобразная информация – наличие компрометирующих материалов и проверки руководящего состава офицерского корпуса. Как ни странно, информацией о боеготовности в округах, их мобилизационной готовности, о реальном состоянии дел в Красной армии больше интересовался не Ворошилов, а Сталин и Молотов как председатель Совета народных комиссаров.

НКВД возглавлял Ежов, секретарь ЦК, кандидат в члены политбюро. Свои доклады Ежов и его предшественник Ягода строили как переписку со Сталиным. Административная цепочка доведения до наркома обороны информации, проверенной через агентуру, о фактической боеготовности войск автоматически удлинялась. Когда Берия стал наркомом, порядок не изменился. Берия тоже был кандидатом в члены политбюро. И опять-таки переписка по этим вопросам, даже доклады по боеготовности и т. д. представлялись прежде всего Сталину и Молотову и только во вторую очередь доходили до Ворошилова. Ведь только Сталин, а позднее Хрущев, Брежнев лично принимали решение, следует ли рассылать поступавшую к ним от органов госбезопасности информацию «вкруговую» среди других членов Политбюро. Кроме того, в перечне докладов, которые направлялись НКВД «наверх», вопросы боеготовности Красной армии не стояли как приоритетные. Руководство страны искало после неудач в зимней войне с Финляндией наиболее рациональные варианты того, чтобы подкрепить деятельность наркомата обороны необходимой оперативной информацией.

Но, думается, тут дело в другом. Было принято половинчатое решение – фактически о двойном подчинении органов военной контрразведки. Во-первых, они подчинялись непосредственно наркому обороны, минуя Генштаб, то есть это был канал информации о реальном положении дел, в том числе в наркомате и в Генштабе. Во-вторых, существовал так называемый межведомственный совет, который регулировал взаимодействие военной контрразведки с другими органами безопасности – с территориальными и центральным аппаратом.

Военная контрразведка сама по себе работать самостоятельно не могла. Почему? У нее не было своих следственных изоляторов и оперативно-технической поддержки. Для успешной работы она должна была заимствовать подразделения наружного наблюдения, оперативного и слухового контроля. Она имела весьма и весьма ограниченную базу. Вместе с тем выделение военной контрразведки вскрыло необходимость дополнительных инструкций, нормативных

актов о порядке взаимодействия всех оперативных служб органов госбезопасности. К сожалению, сделать это до войны не удалось. Организационные изменения в структуре органов госбезопасности, если они предварительно не проработаны в плане оперативного взаимодействия отдельных служб, пагубно сказываются на эффективности работы разведки и контрразведки.

Однако выделение военной контрразведки из НКВД-НКГБ накануне войны было кратковременным – с февраля 1941-го по июль 1941 года. Но и этого времени оказалось достаточно, чтобы можно было понять, что такого рода реорганизация пагубно отразилась на выполнении военной контрразведкой ее функции и взаимодействии с внешнеполитической и военной разведкой.

Мне как руководящему работнику не помнится, чтобы военная контрразведка, будучи подчиненной наркому обороны Тимошенко, ставила какие-либо принципиальные вопросы перед ним, за исключением вопросов кадровой проверки. Между тем поступавшие руководству страны данные о том, что происходило в округах, об изменениях штатного расписания Красной армии, ее пополнении, о развертывании дополнительных армий, реорганизации механизированных корпусов, строительстве аэродромов, хранении боеприпасов, нуждались в тщательной агентурной проверке. К сожалению, это делалось лишь эпизодически. И руководство страны – Сталин, Молотов, да и сам нарком обороны – не имело реальной информации о боеготовности войск приграничных округов.

Самая, пожалуй, трагичная глава в этой части истории связана с особыми отделами Красной армии. Оглядываясь назад, можно предъявить огромные претензии военной контрразведке. До сих пор белым пятном остается роль материалов военной контрразведки в проведении тех репрессий, которые впоследствии были признаны необоснованными и преступными по отношению к руководящему составу армии непосредственно перед войной и в самом ее начале. Однако надо сказать, что те материалы, в которых шла речь о боеготовности Военно-воздушных сил, об авариях самолетов, использовались только при вынесении взысканий руководству ВВС, не только для смещения должностных лиц, но для обвинений политического характера, обвинений во вредительстве в ВВС Красной армии. В какой степени эти материалы были связаны с соперничеством в среде командиров Красной армии, сказать трудно, поскольку прошло очень много времени. Однако они явились формальным поводом для ареста и расстрелов командования ВВС и ПВО Смушкевича, Штерна, Рычагова и других, для ареста и расправы над руководящими работниками Главного артиллерийского управления Красной армии.

Новое время – новые задачи

Что собой представлял фон, на котором весной 1939 года резко активизировалась деятельность советской разведки? Благодаря закрытости общества все попытки разведывательной работы против нас Германии, Англии, Польши с использованием национальных кадров – поляков, немцев и других иностранцев и членов их семей – находились под неослабным наблюдением советских органов безопасности. Почему хотелось мне выделить – и правомерно – 1939 год, важный год кануна войны и важный год перестройки в работе органов безопасности. Именно в этом году страна вступила в явный предвоенный период и перед разведывательными и контрразведывательными органами были впервые поставлены новые активные задачи.

Из беседы, состоявшейся в кабинете Сталина весной 1939 года, во время которой шла речь о необходимости развертывания операции «Утка» по ликвидации Троцкого, Сталин говорил и об изменении в приоритетах работы в целом. С чем были связаны эти изменения? Тут есть смысл вспомнить миф о том, что назначение Молотова народным комиссаром иностранных дел означало якобы «переворот» во внешнеполитической ориентации советского руководства, которая означала переход от попытки противодействовать германской агрессии к сговору с Гитлером. В частности, И. Эренбург и другие публицисты во время так называемой пере-

стройки в 1988–1991 годах безосновательно писали о том, что Литвинов последовательно противился этой линии и был сторонником сохранения сотрудничества с ведущими западными державами, которые должны быть якобы нашими партнерами по обеспечению безопасности в Европе. Но все было несколько иначе. В январе 1939 года, когда наша резидентура фактически прекратила работу в Германии, оттуда поступили сигналы о том, что в немецком руководстве имеются влиятельные сторонники развития нормальных отношений с СССР, что, несмотря на глубокие идеологические разногласия и расхождения, советско-германское сотрудничество возможно. Кстати, подобные высказывания, например, влиятельного промышленника Шахта были известны в Кремле и Литвинову еще в 1935 году. Мне представляется, что обстановка того времени предполагала взаимное маневрирование всех крупных держав мира, а также взаимное прощупывание позиций в предстоящей схватке за передел мира.

Много путаницы в оценке зондажных бесед, подходов друг к другу политиков и видных дипломатов, разговоров того времени. В связи с этим вспоминается новогодний прием 1939 года в Берлине. Тогда Гитлер оказал определенные знаки внимания советской стороне. Беседа с нашим послом Меркаловым, он дал понять, что немецкая сторона отнюдь не блокирует какое-либо экономическое сотрудничество с Советским Союзом, она готова обсуждать даже политические вопросы отношений между странами и будущее Европы.

Затем уже весной 1939 года с довольно откровенным прощупыванием возможностей урегулирования разногласий между СССР и Германией выступили авторитетные немецкие деятели. Некоторые историки считают, что в этом велика роль чиновников немецкого МИД, в частности заведующего экономическим департаментом Шнурре. Но при этом недооценивают роль бывшего немецкого канцлера фон Папена, назначенного Гитлером послом в Турцию. Именно он впервые выступил с программой урегулирования советско-германских отношений в апреле-мае 1939 года, и это было предметом соответствующих докладов наверх, в том числе это породило специальный запрос в НКВД о том, какую роль играет фон Папен в формировании немецкой политики и выражении мыслей правящих кругов Германии.

Фон Папен выступил с широкой программой германо-советского сотрудничества, построенного на базе долгосрочных интересов. В их основе лежало, по его мнению, противодействие англо-французскому диктату в Европе. Сама по себе эта информация, пришедшая из Германии и Турции, заслуживала самого пристального внимания.

Фон Папен, несомненно, действовал по поручению Гитлера. Немцы не случайно избрали Турцию местом зондажных бесед. Вплоть до 1938 года турецкие руководители брали на себя выполнение ряда деликатных поручений советского руководства по выяснению важных для Кремля намерений руководителей стран Запада в отношении Советского Союза. Через Турцию мы провели ряд важных внешнеторговых операций на Западе, в которых нам нежелательно было «засвечиваться» напрямую. Немцы, имея сильные позиции в Турции, несомненно, об этом знали. И хотя наши отношения с Турцией с 1938 года стали ухудшаться, немцы предпочли именно в этой стране через авторитетного своего представителя предпринять в отношении нас первые зондажные шаги по установлению доверительного обмена мнениями.

Нельзя представлять себе ситуацию таким образом, что советское правительство с весны 1939 года ориентировалось на соглашение с Гитлером против Англии и Франции в той обстановке, которая складывалась в Европе. Ситуация была совершенно иной. Наша дипломатия и разведка в глубокой тайне действовали на два фронта. Сейчас на фоне распространения всяких версий о политике Сталина накануне войны упускается из виду главное. Для СССР участие в военном конфликте, вспыхнувшем в Европе в 1939 году, было неприемлемо. И не потому, что мы боялись Гитлера или англо-французов. Военное столкновение было исключительно опасным для нас, если бы Запад выступил против СССР сплоченным.

Как начальник подразделения не только в годы войны, руководивший разведывательно-диверсионной работой, но уже и после войны возглавлявший аппарат, который был

специально создан для действий в особый период, могу со всей ответственностью утверждать, что советское руководство всегда ставило перед собой цель – не допустить втягивания страны в крупный военный конфликт с ведущими капиталистическими странами. При этом главной проблемой было не переступить опасную грань «большой войны», когда могло иметь место перерастание локальных конфликтов и наших операций по дестабилизации обстановки в ряде важных для капиталистического мира районах в масштабные военные действия. Такая опасность существовала в ходе операций в Западной Украине, Польше, Финляндии и Молдавии в 1939–1940 годах, в Иране в 1946 году, в Корее и Маньчжурии в 1950–1953 годах.

Советская военная и политическая разведка, начиная с тридцатых годов, поддерживая антианглийские, антияпонские и антигерманские силы на Балканах и Дальнем Востоке, решала важную задачу по отвлечению внимания от Советского Союза, что заставляло правящие круги Запада ввязываться в затяжные локальные конфликты. Это не позволяло Англии, США, Японии бросить против нас все свои ресурсы и резервы. Сталин никогда не был теоретиком и организатором мировой революции. Наоборот, наша поддержка революционного движения в капиталистических и колониальных странах целиком строилась на геополитических соображениях укрепления позиций Советского Союза как ведущей мировой державы. Иными словами, советская дипломатия и разведка в тридцатые – сороковые годы должны были успешно решить исключительно трудную задачу – использовать во благо страны страх правящих кругов Запада перед военной опасностью в Европе и на Дальнем Востоке вследствие агрессивной политики Гитлера и Японии.

Недостигнутые цели

Мало кто знает о попытке Сталина и Молотова создать три «буферные зоны» отношений с капиталистическим миром. Советская разведка и дипломатия действовали по трем направлениям ведения тайных переговоров о разделе сфер влияния и противодействию агрессии Германии и Японии – в Центральной Европе, Скандинавии и Китае.

В Финляндии мы активно поддерживали политические партии, в частности мелких хозяев, которые выступали за то, чтобы Финляндия и Швеция стали посредниками между странами Запада и Советским Союзом в открытии постоянного коридора для поставок советского сырья в Европу. Наш посол в Швеции А. Коллонтай неоднократно высказывалась в доверительных беседах о необходимости установления особых отношений между СССР и Скандинавией. В обмен на гарантированный благожелательный нейтралитет наша страна готова была предоставить серьезные экономические льготы для Швеции и Финляндии, включая даже право реэкспорта древесины, нефтепродуктов из СССР в третьи страны.

Кроме каналов Иностранного отдела НКВД, имевшего сильные агентурные позиции в Скандинавии, не было иной возможности выйти на неофициальные и неформальные переговоры с финским руководством. Знаменательно, что резидент в Финляндии Б. Ярцев-Рыбкин (Кин) вел секретные переговоры с финским руководством втайне от советского посла в Финляндии Деревянко, который после их неудачного завершения о зондажных выходах на финнов вместе с наркомом иностранных дел Литвиновым был поставлен об этом в известность.

Другое направление – чехословацкое. Первый координатор деятельности советских спецслужб М. Розенберг, используя свои доверительные отношения с крупнейшим и авторитетным публицистом Западной Европы Женеьевой Табуи, добился серьезнейшего перелома в советско-французских отношениях – подписания в 1935 году в Париже советско-французского соглашения о сотрудничестве и взаимопомощи. Однако широкой общественности до сих пор не известно, что локомотивом этого соглашения выступил президент Чехословакии Э. Бенеш. Именно Чехословакия выступила инициатором вступления СССР в Лигу Наций.

Мы нашли особые подходы и плодотворно сотрудничали с президентом Бенешем. Сейчас многие пишут и существует масса иллюзий и мифов о том, что Бенеш поддался на немецкую уловку о заговоре в Красной армии против Сталина, предупреждал Кремль о «предательстве» Тухачевского и будто бы вошел в контакты с Ежовым для этого. Упускается из виду, что господину Бенешу не было смысла входить в тайные переговоры со Сталиным в 1937 году, ибо еще в 1935 году было подписано беспрецедентное секретное соглашение о сотрудничестве разведок Чехословакии и Советского Союза, о совместном осуществлении ряда внешнеполитических акций и обмене информацией в связи с возрастанием военной опасности в Европе.

Конкретно это сотрудничество привело к тому, что нам удалось использовать чешские каналы для поставок оружия республиканской Испании, через чехословацкого представителя Розенберг договорился о том, чтоб чехи поставили вопрос о нашем вступлении в Лигу Наций. Советско-французское соглашение с П. Лавалем было подписано в противовес Германии, усилению влияния Гитлера. В планы Бенеша входило в опоре на советско-французское соглашение укрепить позиции балканских стран в противостоянии Гитлеру.

Наша разведка проводила специальные мероприятия по проверке лояльности Бенеша. Ближайшему окружению Бенеша, завербованному НКВД, Людмиле Каспариковой и Яромиру Смутному был устроен побег из Чехословакии. Для этого были выделены деньги, при этом мы вывезли из Праги в Москву значительную часть чехословацкого архива и специальной переписки, в том числе об особых отношениях Бенеша с руководителями Запада.

После того как немцы оккупировали Чехословакию, Бенеш бежал первоначально в Америку, затем в Англию. Советский посол в США Уманский по указанию Москвы принимал Бенеша и вел с ним доверительные беседы, потому что он в условиях временного свертывания нашей разведывательной работы в Вашингтоне в 1939 году по указанию Москвы взял на себя выполнение ряда функций главного резидента НКВД в Америке. На должность посла его назначили после успешной работы как корреспондента ТАСС и в отделе печати НКВД. Уманского я хорошо знал лично. Его часто можно было встретить в 1941–1942 году в коридоре седьмого этажа здания НКВД на Лубянке, где размещалось Разведывательное управление, и в приемной Берии и Меркулова. Это был очень способный, эрудированный человек, значение которого прекрасно понимало американское правительство, некоторые представители которого позволяли себе вести с ним неофициальные беседы. Любопытно, когда министр финансов США Моргантау принимал его, то удалял стенографисток и переводчиков, и обсуждение деликатных вопросов совместного американо-советского противодействия японской агрессии в Китае в 1939–1941 годах шло один на один.

Уманский не только беседовал с Бенешем в США, но и докладывал об этом сразу в две инстанции – в наркомат иностранных дел и в НКВД. Какие же вопросы обсуждали они? Речь прежде всего шла о будущем Европы. Бенеш выражал благодарность за нашу позицию, потому как мы не признали оккупацию немцами Чехословакии. Бенеш просил неофициально подтвердить, получена ли чехословацкая переписка и архив советской стороной. Он также ставил вопросы о будущей роли Чехословакии в надвигающейся войне, говорил и о чехословацкой армии, которая будет участвовать в войне, о том, что она будет формироваться в Англии. Заметьте, все это говорилось еще до того, как началась война, до того, как немцы предъявили свой ультиматум Польше. Бенеш говорил также о необходимости сохранения «инострannого легиона Чехословацкой армии», который будет находиться в Польше или в СССР. Война еще не началась, а ему уже ясно, что будущая война будет обязательно между Германией и Советским Союзом. В качестве союзников, считал он, выступят США и Англия. Он говорил и о Восточном фронте, о том, что там будет развернуто две-три чехословацких дивизии. Знаменитый Людвиг Свобода, тогда еще никому не известный подполковник, вместе с чехословацким легионом был отправлен в Польшу, где его интернировали поляки. Легион держался на всякий случай. Когда советские войска заняли Польшу, чехословацкий легион оказался интер-

нированным, и мы единственное что сделали – его разоружили. Никаким репрессиям никто подвергнут не был.

Со Свободой непосредственно работал начальник отделения контрразведывательного управления НКВД М. Маклярский. Свободу поселили на даче НКВД и держали в особом резерве. Держали не потому, что к нему было какое-то особое внимание, а потому, что он был человеком Бенеша, а к людям Бенеша относились, по указанию Сталина, с очень большим вниманием и тактом.

Потом плодотворное сотрудничество, активный обмен разведывательной информацией осуществлялись нами с полковником, позднее генералом, Моравцем, начальником чешской разведки. Но не как с завербованным агентом, а как с человеком, целиком выполнявшим приказания и поручения Бенеша.

До сих пор история тайных советско-чешских отношений продолжает скрываться, хотя в этом нет ничего секретного, если смотреть на вещи трезво, после распада СССР и краха социализма в Чехословакии. Возможно, открытие архивов невыгодно только для тех, кто идеализирует и превозносит Бенеша, Масарика и других деятелей либерально-демократической Чехословакии. Обнажение их тайных связей с советским руководством в реализации целей советской внешней политики подтверждает очевидную истину. Малые страны Европы обязательно попадают в чью-либо сферу влияния и активно стремятся использовать свое положение посредника в больших политических играх, но только с выгодой для себя вне зависимости от идеологических симпатий.

Среди советских дипломатов предвоенной поры К. Уманский, наш посол в США, был сравнительно молодым выдвиженцем. Ранее важные зондажные поручения выполняли дипломаты первого поколения – Я. Суриц, Б. Штейн, И. Майский. Зарубежных представительств СССР было сравнительно немного, и значение советского посла за границей, его полномочия были неизмеримо шире, нежели те, которые давались нашим дипломатам высокого ранга во время войны, не говоря уже о послевоенном периоде. На ключевых направлениях, там, где необходимо было вести зондаж, были расставлены не профессиональные дипломаты, а представители разведки НКВД или тесно связанные с ней лица, такие, например, как Уманский в США, комкор Красной армии Луганец-Орельский и пришедший ему на смену в 1939 году посол-резидент НКВД А. Панюшкин в Китае.

Туда, где речь шла о временном замораживании отношений, а не о проработке каких-то вопросов, посылались люди, не имевшие никакого дипломатического опыта. Взять хотя бы ситуацию с руководством нашего посольства в Германии в 1939 году, когда Меркалов, простой директор завода, оказался в роли посла в Германии. Судьба Меркалова уникальна. Он закончил свою жизнь директором завода, так и не опубликовав своих воспоминаний об интереснейшем периоде 1939 года.

Чем связаны были дипломатия и разведка? Их взаимодействие характеризуется, по моему мнению, двумя этапами. До 1939 года можно говорить об особом периоде советской внешней политики и разведывательной деятельности, обусловленном в значительной мере внешнеполитической изоляцией Советского Союза. Это не являлось только следствием политики западных держав. Англия, Франция, Германия, США, Италия, Япония блокировали Советский Союз, стремясь лишить нас возможности использовать международные экономические связи для создания промышленности за счет вырученных средств от продажи сырья на мировом рынке. Но изоляция нас от мира была обусловлена также нашей сознательной линией на сохранение закрытости советского общества.

Провозглашенный Лениным в Генуе новый курс на отказ от выплаты царских долгов важно понять с точки зрения добровольного отказа от внешнеэкономического сотрудничества с нашей стороны с враждебными СССР мощными экономическими группировками Запада. Руководство Советского Союза опасалось в двадцатые – тридцатые годы, что широкие эконо-

мические связи с капиталистическим миром в сочетании с наличием в СССР сильной анти-социалистической оппозиции, остатков белого движения и обострением борьбы за власть в верхних эшелонах партии таят в себе громадную потенциальную угрозу для советского государства. Разведка и дипломатия ориентировались лишь на «локальные» прорывы в обеспечении экономических связей СССР не со всеми странами Запада, а с теми государствами, которые активно конфликтовали с главными державами капиталистического мира или играли в нем подчиненную роль недавно проигравших войну государств. Хорошие экономические отношения складывались у нас с Германией и Турцией.

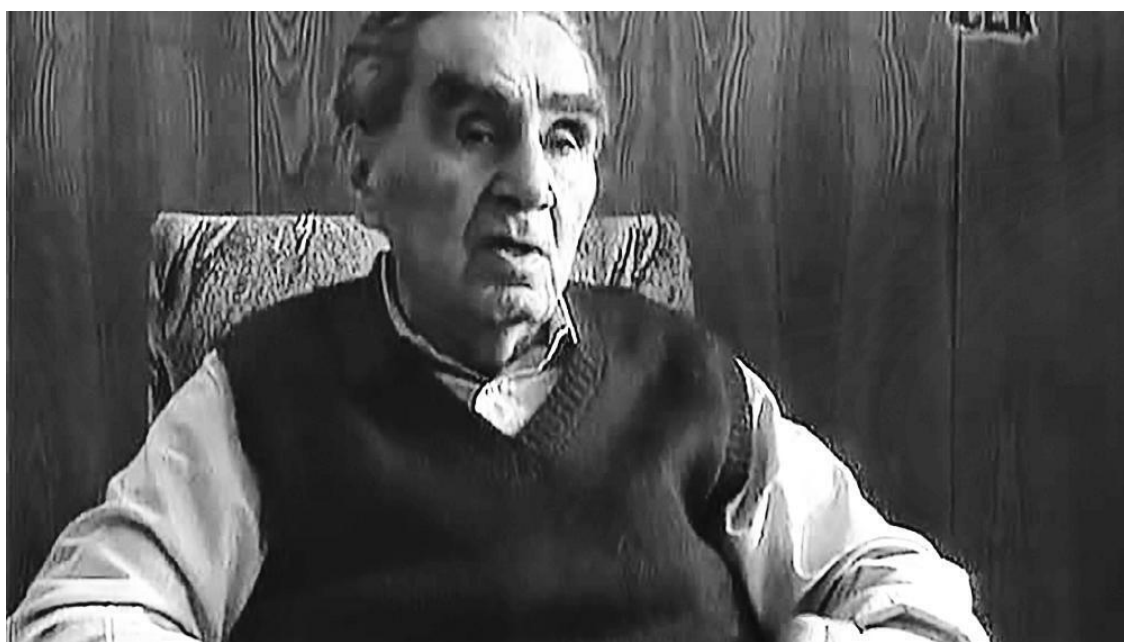
Прежде всего разведка нацеливалась на использование раскола среди держав Запада и противоречий, которые существовали между ними. В условиях внешней политической изоляции рассчитывали мы и на активную дипломатическую деятельность, настойчиво добивались признания со стороны ведущих стран Запада. Важное значение в этой связи придавалось работе разведки и сотрудничавших с ней дипломатов по выяснению предварительных условий дипломатического признания СССР. Этот период завершился к началу 1939 года.

Угроза войны ставила Советский Союз в исключительное положение. Отсюда суть нашей позиции – поддержка Афганистана, Турции, наше участие в гражданской войне в Испании и т. д. Мы прощупывали, расшатывали слабые звенья в капиталистической системе. Но никогда не позволяли себе напрямую ввязаться в военный конфликт, который бы выходил за рамки локального. Руководство страны решало прежде всего внутренние задачи экономического и политического характера.

Молотов, Вышинский, Потемкин, с одной стороны, Берия, Меркулов – с другой, стали непосредственно у руля дипломатии и разведки тогда, когда Советский Союз, подписав известный пакт о ненападении с Германией и секретные протоколы к нему, превратился в крупнейшую мировую державу, чьи действия с 1939 года на международной арене предопределили исход Второй мировой войны и весь характер мирового развития в сороковые – пятидесятые годы. Два этапа советской политики за рубежом и людей, которые обслуживали эти этапы, следует трезво оценивать.

«После августа 1991 года и развала советского государства как-то по-особому ярко и четко вспоминается то великое и историческое время, когда ценой огромных усилий, человеческих жизней, колоссальным напряжением сил отстаивалась от нашествия фашистско-немецких полчищ шестая часть земли с названием Союз Советских Социалистических Республик»

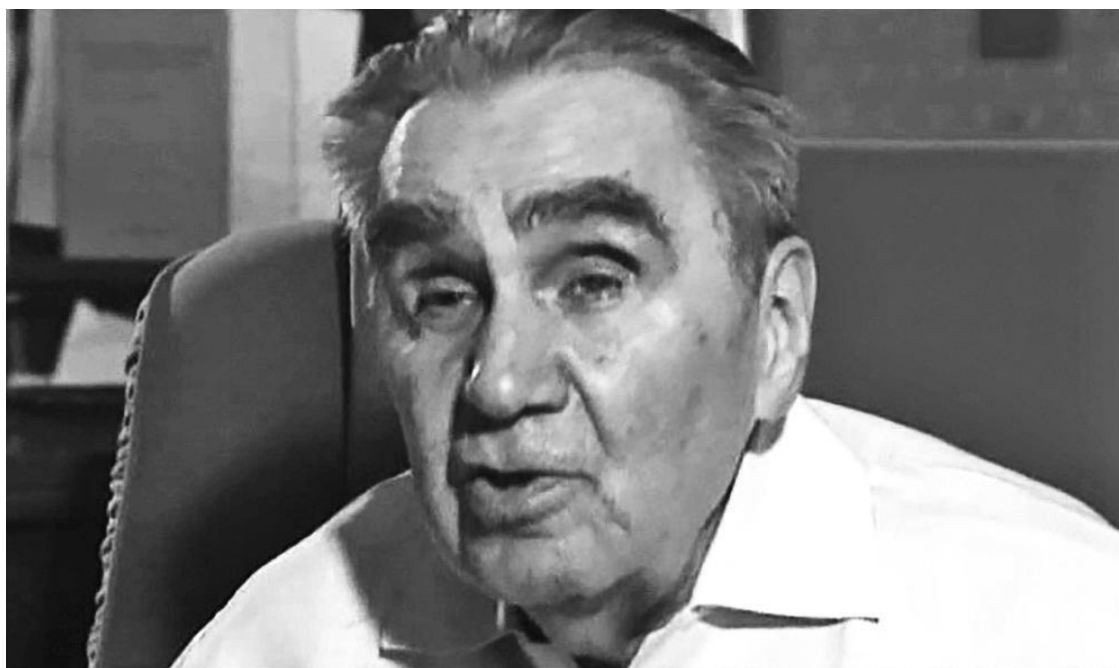

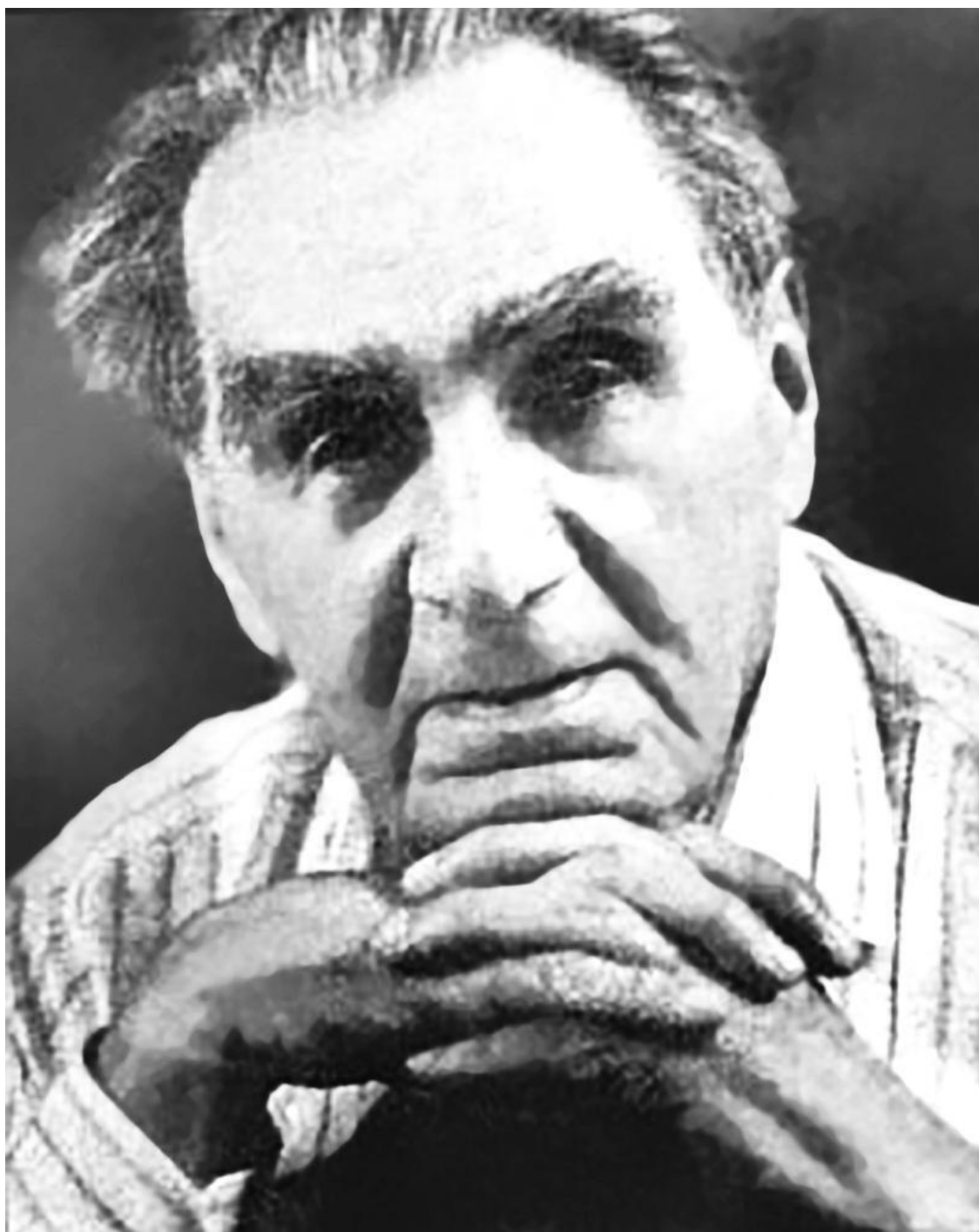

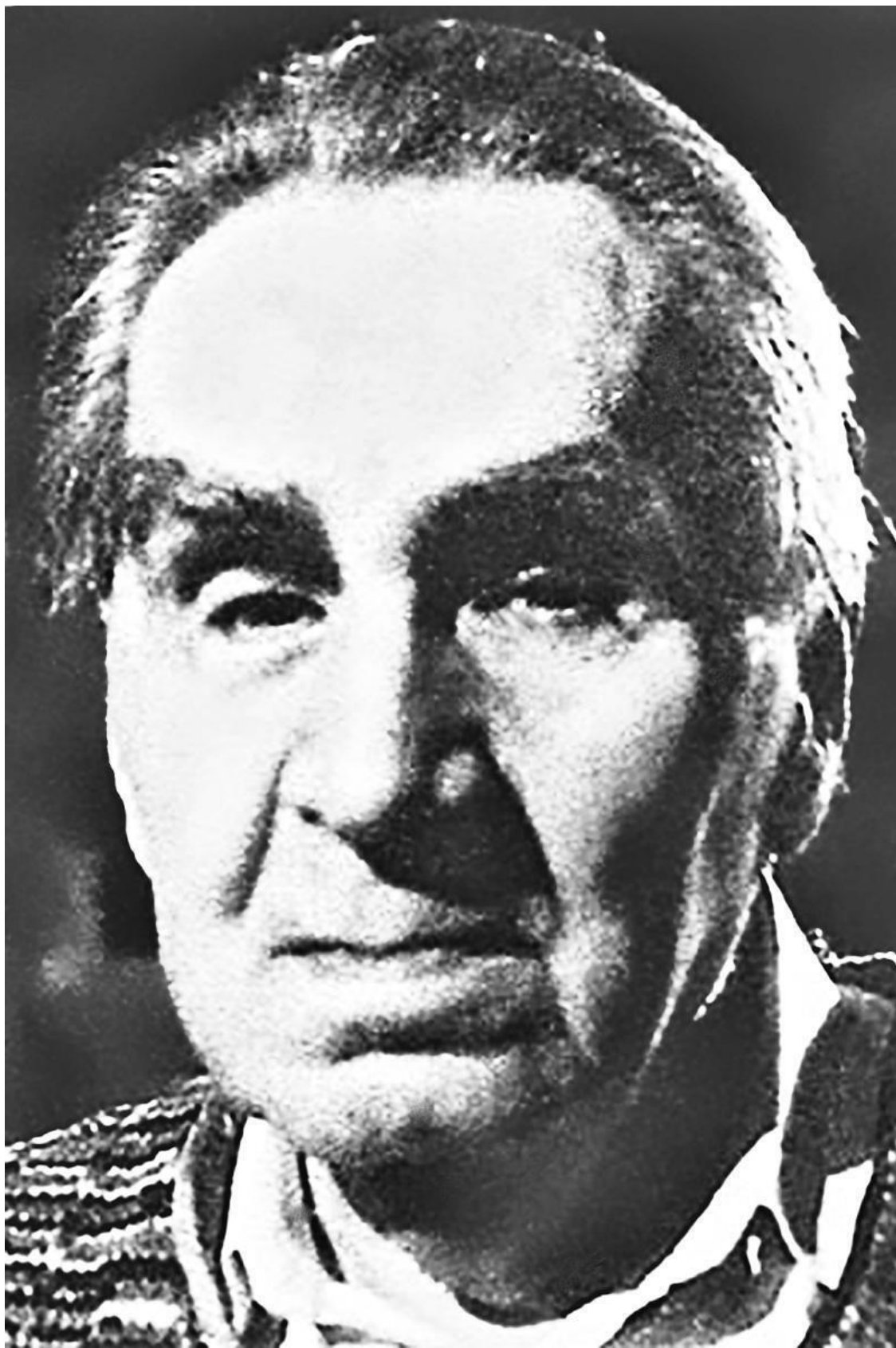
Павел Судоплатов в последние годы жизни

«Из головы все время не выходит катастрофа страшного обвала, потрясающей грызни, предательства военных, предательства чекистов, когда никто не вспомнил ни о присяге, ни о долге, чтобы защитить страну, защитить государство, интересами которого жили все советские люди».

Павел Судоплатов в последние годы жизни

«Первоначально роль координатора работы военной разведки, ОГПУ, наркомата иностранных дел, Коминтерна и зарубежной разведки выполнял М. Розенберг...»

Марсель Израилевич Розенберг (1896–1938) – советский дипломат. Первый представитель СССР в Лиге Наций. Во время Гражданской войны в Испании – полпред СССР при республиканском правительстве.

Нарком иностранных дел Максим Литвинов и Марсель Розенберг

«Пишут как-то вскользь о том, что Артур Христианович Артузов, в оперативной переписке «Алексеев», возглавлял одновременно и Разведупр Красной армии, и ИНО ОГПУ».

Артур Христианович Артузов (1891–1937) – деятель советских органов государственной безопасности. Один из основателей советской разведки и контрразведки, корпусной комиссар (1935).

«Вскоре Артузова в качестве начальника ИНО сменяет А. Слуцкий»

Абрам Аронович Слуцкий (1898–1938) – деятель советской разведки, комиссар государственной безопасности 2-го ранга (1935). Руководитель Иностранного отдела (внешняя разведка) ГУГБ НКВД СССР (1935–1938). Убит сотрудниками НКВД во время репрессий в НКВД 1937–1938 годов.

Абрам Слуцкий в редкие минуты отдыха

«Ведь не случайно в 1937 году Разведупром Красной армии руководил старший майор госбезопасности Гендин»

Семён Григорьевич Гендин (1902–1939) – сотрудник советских органов госбезопасности и Разведупра РККА, старший майор госбезопасности. Врид (временно исполняющий должность) начальника Разведупра РККА.

«...транспортное управление в канун войны осуществлялось в большой степени по линии НКВД, так как его начальник С. Мильштейн имел личный выход на Берию как на наркома внутренних дел, хотя формально работал в аппарате наркомата госбезопасности»

Соломон Рафаилович Мильштейн (1899–1955) – с декабря 1938 года в органах госбезопасности СССР – зам. начальника следственной части НКВД СССР. В 1939–1941 годах – начальник Главного транспортного управления (ГТУ) НКВД СССР (с 31 марта 1939).

«Контрразведывательную и разведывательную работу курировал заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов. К нему стекалась вся информация».

Богдан Захарович Кобулов (1904–1953) – заместитель народного комиссара внутренних дел Грузинской ССР (1937–1938), НКВД СССР (1941–1943) и НКГБ (1941, 1943–1945), 1-й заместитель министра внутренних дел СССР (1953).

«...следует отметить смену руководителей оперативных подразделений. 1-й отдел ГУГБ, отвечавший за охрану Сталина, в 1939 году возглавлял Власик, который от рядового работника охраны дошел до поста начальника охраны Сталина».

Николай Сидорович Власик (1896–1967) – сотрудник органов государственной безопасности СССР. Начальник охраны И. В. Сталина (1931–1952). Генерал-лейтенант (1945).

«Петр Васильевич Федотов – кадровый работник органов безопасности, очень взвешенный человек, отличительной чертой его характера была медлительность в принятии решений».

Федотов Пётр Васильевич (1901–1963) – деятель советских спецслужб, генерал-лейтенант (1945). С 26 февраля 1941 г. – начальник 2-го управления НКГБ, с 31 июля 1941 г. – НКВД, а с 12 мая 1943 г. – опять НКГБ (затем МГБ) СССР. С января 1946 г. – член Комиссии

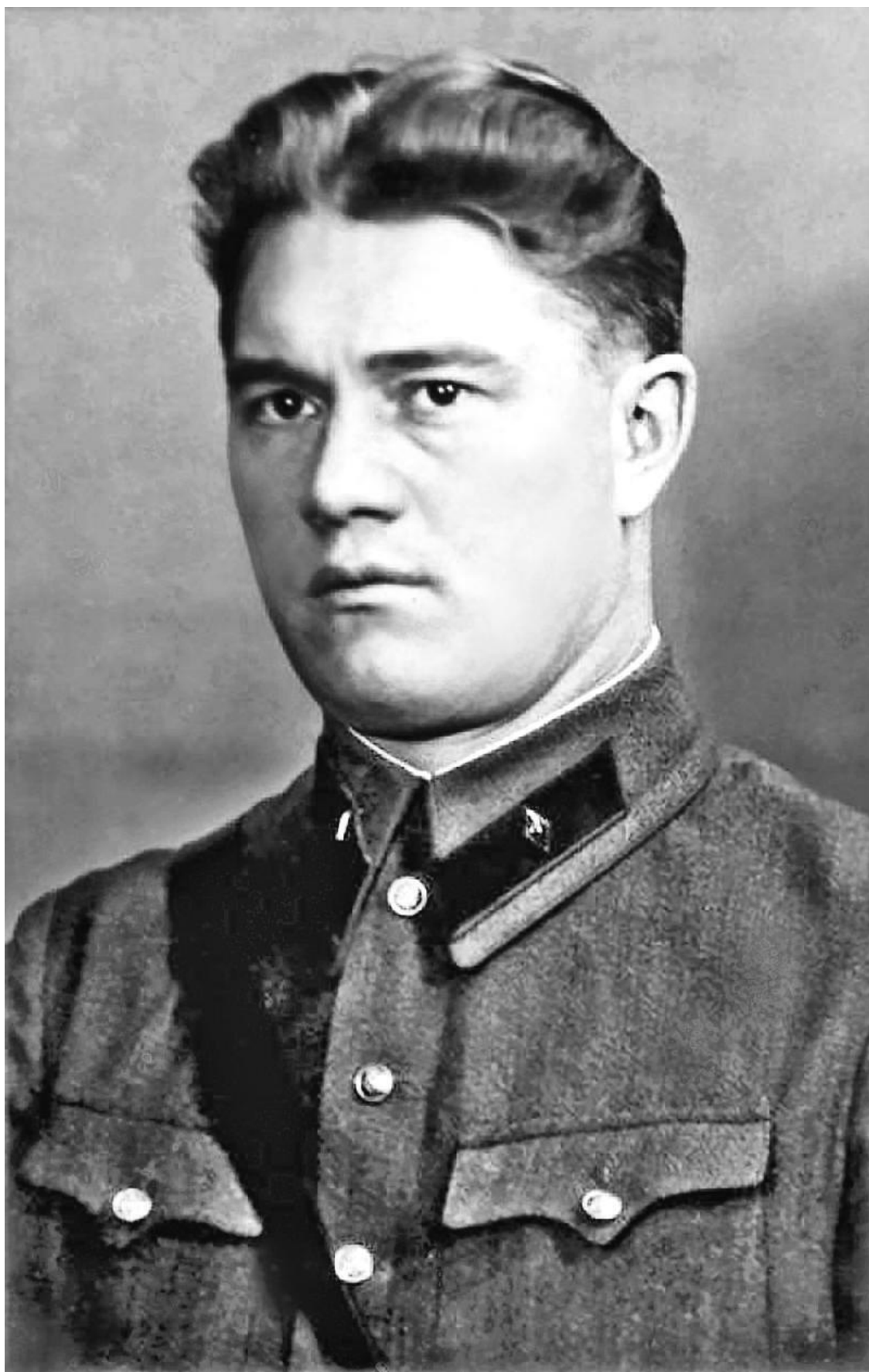
по подготовке Международного военного трибунала над японскими военными преступниками в Токио. С 15 июня по 9 сентября 1946 г. – начальник ВГУ, с 9 сентября 1946 г. по 30 мая 1947 г. – начальник ПГУ МГБ, одновременно с 7 сентября 1946 г. по 26 июня 1947 г. – заместитель министра госбезопасности СССР. С 30 мая 1947 г. по август 1949 г. – заместитель председателя КИ при СМ СССР (с 29 января 1949 г. – КИ при МИД СССР).

«Он был незаурядным, очень хорошо знающим агентурную работу человеком, совершенно искренне считавшим свою деятельность специальным направлением партийной работы. Райхман сам провел ряд важных агентурных комбинаций, в его распоряжении был мощный аппарат».

Леонид Фёдорович Райхман (1908–1990, Москва) – сотрудник органов государственной безопасности, генерал-лейтенант (1945).

«Он запомнился мне инициативным работником, понимавшим, что главная задача военной контрразведки заключалась в ограждении наших вооруженных сил от проникновения вражеской агентуры и срыве разведывательно-диверсионных операций в ближнем тылу наших пограничных военных округов».

Анатолий Николаевич Михеев (1911–1941). С февраля 1939 года – начальник Особого отдела (военная контрразведка) НКВД СССР Орловского военного округа. С августа 1939 года

– начальник Особого отдела НКВД СССР Киевского особого военного округа. С августа 1940 года – начальник Особого отдела в Центральном аппарате Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. С февраля 1941 года – начальник 3-го Управления НКО СССР.

«Наш посол в Швеции А. Коллонтай неоднократно высказывалась в доверительных беседах о необходимости установления особых отношений между СССР и Скандинавией».

Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952) – российская революционерка, советская государственная деятельница и дипломат. Чрезвычайный и полномочный посол СССР.

Член РСДРП(б) с 1915 года. В 1917–1918 годах была наркомом государственного призрения в первом Советском правительстве, что делает её первой женщиной-министром в истории

«Знаменательно, что резидент в Финляндии Б. Ярцев-Рыбкин (Кин) вел секретные переговоры с финским руководством втайне от советского посла в Финляндии Деревянко, который после их неудачного завершения о зондажных выходах на финнов вместе с наркомом иностранных дел Литвиновым был поставлен об этом в известность».

Борис Аркадьевич Рыбкин (1899–1947) – советский разведчик и дипломат. В сентябре 1935 года направлен в Хельсинки под оперативным псевдонимом «Кин», где работал (под фамилией Ярцев) в качестве легального резидента ИНО под прикрытием должности консула, затем 2-го секретаря полпредства СССР в Финляндии, с апреля 1938 года – Временного поверенного в делах СССР в Финляндии.

«Первый координатор деятельности советских спецслужб М. Розенберг, используя свои доверительные отношения с крупнейшим и авторитетным публицистом Западной Европы Женевьевой Табуи, добился серьезнейшего перелома в советско-французских отношениях – подписания в 1935 году в Париже советско-французского соглашения о сотрудничестве и взаимопомощи».

Женевьевá Лекен (фр. Geneviève Lequesne), больше известная под псевдонимом Женевьева Табуи (фр. Geneviève Tabouis) (1892–1985) – французский историк и журналистка, деятельница французского Сопротивления.

«Мы нашли особые подходы и плодотворно сотрудничали с президентом Бенешем».

Эдвард Бенеш (1884–1948) – государственный и политический деятель Чехословакии (Чехии). Второй президент Чехословакии в 1935–1948 годах. Один из руководителей движения за независимость Чехословакии в годы Первой мировой войны, министр иностранных дел Чехословакии в 1918–1935 годах, руководитель чехословацкого зарубежного Сопротивления в годы Второй мировой войны

«Знаменитый Людвиг Свобода, тогда еще никому не известный подполковник, вместе с чехословацким легионом был отправлен в Польшу, где его интернировали поляки».

Людвик Свобода (1895–1979) – чехословацкий военный и государственный деятель, генерал армии ЧССР, президент ЧССР в 1968–1975, трижды Герой ЧССР, Герой Советского Союза (1965), Народный Герой Югославии.

«Со Свободой непосредственно работал начальник отделения контрразведывательного управления НКВД М. Маклярский»

Михаил Борисович Маклярский (1909–1978) – полковник госбезопасности (1945), впоследствии драматург и киносценарист.

Глава 2. Эмиграция на службе Советов

Операция «Коридор»

О российской эмиграции, о сложнейших отношениях с нею нашей политической и военной разведки написано немало. Этому, в частности, посвятили свои произведения советские писатели Никулин и Ардаматский. Операции ЧК «Трест» и «Синдикат» – наиболее известные. Благодаря им многие знают о борьбе с белой эмиграцией, о внедрении в нее наших чекистов с тем, чтобы парализовать ее деятельность, направленную против советского государства.

Однако этого нельзя сказать обо всей эмиграции. Часть ее, вдоволь надышавшись чужим воздухом Европы и, возможно, из ностальгических чувств, повернулась к нам лицом. С помощью этих людей мы стали приобретать ценные источники информации, что давало возможность обеспечить безопасность государства по предотвращению террора со стороны остатков белого подполья.

В конце двадцатых и особенно в начале тридцатых годов установившиеся связи с эмиграцией стали для нас незаменимым каналом, способствовавшим проникновению в важнейшие гражданские, правительственные и государственные структуры ведущих капиталистических стран с целью изучения наших главных противников.

При Вячеславе Менжинском была начата операция «Коридор», которую курировали помощники начальника Иностранного отдела ОГПУ Валерий Горожанин и Макс Штейнберг. Горожанину посвятил свое известное стихотворение «Солдатам Дзержинского» Владимир Маяковский. Позже руководили работой по связям с эмиграцией начальник отделения ИНО, герой операции «Синдикат» А. Федоров и вскоре сменивший его М. Штейнберг. Мы активно выводили за рубеж наших доверенных людей. Ведь вплоть до коллективизации процедура выезда за пределы страны была очень простой. Заграничный паспорт можно было получить в уездной милиции. В это время существенное значение для оперативной работы органов госбезопасности приобрело ведение учетов выездов за границу наших граждан в связи с пребыванием там их родственников. И когда по указанию Менжинского были предприняты меры по активизации работы с эмиграцией, прежде всего мы обратились к этим данным.

В эмиграции весомую политическую роль играли бывшие работники дипломатических ведомств Российской империи. Сложилась такая ситуация, что после ликвидации российских посольств их бывшие сотрудники использовались в качестве консультантов внешнеполитических ведомств Франции, Англии, США, Германии при выработке политики по отношению к Советскому Союзу. Это и была так называемая вторая линия нашей работы по вербовке видных деятелей эмиграции.

Деятельность значительных эмигрантских колоний, а также их руководителей была взята нами под контроль. В числе их был В. Штрандман, который до революции возглавлял российское посольство в Югославии. В апреле 1918 года правительство Колчака назначило Штрандмана посланником в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в Югославии. В двадцатые – тридцатые годы он в Белграде занимался оказанием помощи российским беженцам. Его избирали делегатом Нансенского комитета, названного в честь известного мореплавателя. В 1934 году Штрандман стал уполномоченным российского Красного Креста в Югославии. В его окружении нам удалось создать прочные позиции, позволившие в 1938 году выйти на очень важные связи с военными кругами Югославии.

Еще один видный деятель эмиграции, который находился под нашим контролем, – Евгений Васильевич Саблин. Этот человек, проживая в Лондоне, имел большие связи среди англичан. Был дипломатом, секретарем российской миссии в Тегеране. В 1915 году его назначили

первым секретарем российского посольства в Лондоне. После Февральской и Октябрьской революций оставался вторым лицом посольства России в Лондоне. Скончался Саблин в английской столице после второй мировой войны. Он был вхож в английский Форин-офис – МИД Великобритании. Долгое время был там внештатным консультантом по российской политике и российской проблематике.

Благодаря деятельности закордонных агентов Дьяконова и Третьякова мы подобрали ключи к еще двум российским эмигрантам – Милюкову и Маклакову. Милюков – фигура известная. Это крупный политический деятель, авторитет которого в кругах эмиграции был очень большой. С ним даже встречались советские дипломаты после окончания войны. Маклаков – крупный государственный деятель дореволюционной России. В октябре 1917 года был послом Временного правительства. Нам удалось полностью контролировать всю его почту, к которой в Кремле проявлялся вполне закономерный интерес. Ибо в переписке Маклакова с Саблиным и Штрэндманом давались оценки крупных событий того времени. Причем комментарии были не только по материалам открытой прессы, но и по важнейшим источникам министерств иностранных дел Франции и Великобритании. После признания Францией СССР в 1924 году Маклаков возглавил эмигрантский комитет, объединявший различные российские и зарубежные организации. Руководил он также центральным офисом по делам русских беженцев в Париже, который был признан французскими властями и Лигой Наций. Вся его деятельность не могла оставаться вне нашего поля зрения.

Но работа по эмиграции – это не только то, что связано с изучением обстановки и анализом ситуации. Работая с эмигрантами, завязывая с ними отношения, формируя подходы и позиции, мы всегда помнили, что это исключительно деликатное дело. Используя тягу россиян, проживающих за границей, к общению, мы получали политическую, экономическую информацию, что не только помогало в оценке той или иной политической обстановки, но и позволяло через этих людей оказывать влияние на развитие событий.

Здесь следует признать, что политическая борьба в нашей стране в значительной степени инспирировалась искусственным преувеличением роли эмиграции в создании внутренней оппозиции. С этим связаны политические процессы в отношении Промпартии, Трудовой крестьянской партии (ТКП), процесс Союзного бюро меньшевиков, которые были инициированы советской внешней разведкой. Наша агентура часто преувеличивала масштаб связей российской военной и политической эмиграции с зарубежными государственными деятелями и спецслужбами. Был и другой аспект. Поступающие агентурные сведения из спецслужб Германии, Франции и Англии не критически констатировали утверждения монархистов, промышленников из числа русской эмиграции о том, что они имеют множество сторонников в Советской России, особенно в кругах научно-технической интеллигенции и среди военных специалистов.

С этим связано одно неприятное событие. Наш видный закордонный агент Третьяков был потрясен, узнав, что его переписка с профессорами Кондратьевым и Рамзиным, которые проходили по делу Промпартии, по обвинению «в организации контрреволюционного заговора», была преподнесена как доказательство в открытом судебном заседании. Имя Третьякова замелькало в официальных советских изданиях. Таким образом произошла его расшифровка. К нему был проявлен соответствующий интерес со стороны немецких и французских спецслужб. Третьяков вынужден был обратиться к нашему резиденту в Париже и выразить законное негодование по этому поводу.

Надо, однако, признать, сообщения ОГПУ и НКВД из-за кордона отражали не наличие организованной оппозиции в Советском Союзе, а скорее довольно широкое распространение антисоветских настроений главным образом среди интеллигенции и специалистов. Да, эти враждебные настроения имели место, было и оппозиционное отношение к советской власти, и неприятие пятилеток, индустриализации, но все это преподносилось руководству как

существование организованного контрреволюционного подполья. Таким образом, следственные органы, опираясь на указания, поступающие сверху в связи с информацией, пришедшей из-за границы, делали определенные выводы. Все это инициировало первую волну репрессий против научно-технической интеллигенции в начале тридцатых годов.

Любопытен такой момент. Агентурная работа английской и французской разведок против СССР вплоть до 1938 года также концентрировалась на использовании русской эмиграции. Англичане даже назначили русского эмигранта В. Богомольца региональным резидентом на Балканах и в Румынии по операциям против Советского Союза. И только в 1939 году, после массовых арестов и чисток в СССР, руководством английской, французской и немецкой спецслужб, особенно после похищения и вывоза нами руководителя «Российского общевойскового союза» Миллера, было осознано, что русская эмиграция наспигована и разложена агентурой ОГПУ-НКВД. Обострение борьбы между эмигрантскими группировками, во многом спровоцированное нашим проникновением, вызвало у спецслужб противника недоверие к русской эмиграции, сдержанность в использовании ее кадров. По этой причине в будущей войне она не смогла сыграть важной политической роли, на что первоначально рассчитывали в руководящих кругах Германии, Англии, Франции, США и Японии. И в то же время у англичан, французов, не говоря уже о немцах и японцах, не было других кадров для организации агентурной работы в Советском Союзе, кроме эмигрантов и их родственников, учитывая антисоветские настроения многих из них, а также знание языка и реальной обстановки в стране.

Как разжигались противоречия

После похищения Миллера и Кутепова немцы, разумеется, поняли, что «Российский общевойсковой союз» контролируется нами. Позже к нам попали немецкие директивы, из которых было ясно, что Германия очень осторожно подходит к сотрудничеству как с русской, так и с украинской эмиграцией. Надо сказать, что мы вели очень большую работу по расколу ОУНовского подполья. Нам было известно, что в агрессивных планах Гитлера ОУНовская организация выходила на первое место для создания немецкого протектората на Украине. Мы заслали в эту организацию агента-украинца. Перед ним была поставлена цель – разжигание противоречий в двух кланах, сложившихся в ОУН. Один из них возглавлял Мельник, другой – Бандера. До августа 1939 года организация украинских националистов возглавлялась бывшим управляющим имением митрополита Шептицкого полковником Андреем Мельником. Мельник претендовал на роль вождя украинских националистов. Другой лидер ОУН Бандера был освобожден немцами из польской тюрьмы, где он отбывал срок за организацию убийства министра внутренних дел Польши Перацкого. Наши действия были направлены на то, чтобы вызвать между ними острый конфликт. Мельник прибыл для переговоров в Краков. Бандера предлагал ему одну из руководящих должностей в главном проводе ОУН, возглавить который намеривался сам. Но они не сговорились, поскольку Мельника это не устроило. Бандера сколотил вокруг себя группу известных националистов, которые укомплектовали батальон «Нахтигаль», выполнявший впоследствии карательные операции на Украине. Со временем Бандера обвинил Мельника в том, что он не использовал благоприятную обстановку для создания самостоятельной Украины в момент падения Польши, а также способствовал засорению ОУН агентами польской полиции. Так, Ярослав Барановский, постоянно сопровождавший полковника Коновальца, за опоздание в одной из поездок (воспользовавшись которым, я ликвидировал Коновальца) был объявлен агентом польской охранки и расстрелян самими бандеровцами.

По сути дела, именно Бандера создал раскол в ОУН. Он являлся, по словам Мельника, прежде всего «диверсантом с маниакальными наклонностями». Мельниковцами даже распространялись слухи о том, что он был агентом советской разведки. В этом они заподозрили члена

бандеровского провода адвоката Горбового и «сдали» его немцам. После войны он был нами перевербован и сыграл большую роль в уничтожении бандеровского подполья во Львове.

В эмиграции были разные течения. Она не представляла единого кулака, выступающего против советской власти, чем мы активно пользовались. Существовало противоборство между украинской, российской и кавказской эмиграцией. Например, для русских эмигрантов раздражителем номер один была деятельность украинцев по созданию «самостийного государства». Это настроение содержалось в эмигрантской переписке, которую перехватывал НКВД. Нам стало известно, что украинские националисты при поддержке немцев, в случае поражения СССР, хотят воссоздать украинское независимое государство, в чем их не поддерживало белоэмигрантское крыло антисоветской эмиграции на Западе.

То же относится и к кавказской эмиграции. «Независимая Грузия», созданная грузинскими меньшевиками и укрывавшаяся в качестве эмигрантского правительства в Париже, также вызывала большое беспокойство в белоэмигрантском крыле российской монархической эмиграции, которая никаких симпатий к разделу России не испытывала и считала эту деятельность антирусской, антигосударственной. Наша агентура старалась использовать это настроение.

Противоборство эмигрантских группировок очень сильно на себе ощущал наш противник. Он был дезориентирован в направлениях их деятельности, тщательно скрывал свои контакты с ними и постоянно попадал впросак; офицеры английской и французской разведок не очень четко ориентировались в особенностях наших отношений с Прибалтикой и Украиной. И лишь после войны, когда встал вопрос о борьбе с СССР на совершенно иной основе, американцы решили создать антибольшевистский блок народов во главе с последним премьером Временного правительства Керенским, осевшим тогда в США. Но из этой затеи ничего не вышло. Против подчинения великодержавным русским националистам выступили сначала украинцы, а затем и другие эмигрантские националистические организации.

Вокруг Чехословакии

Наряду с материалами из Лондона от Кэрнкросса через каналы русской эмиграции были получены, от Штрэндмана и Саблина, подтверждающие данные о ближайших планах западных держав к разрешению чехословацкого кризиса, о предательстве ими Бенеша и об отказе Франции от гарантий, данных Чехословакии в 1934 году.

В связи с событиями в Чехословакии осенью 1938 года через эмиграцию мы были проинформированы о том, что западные державы намерены твердо вести линию на договоренность с Гитлером. Сообщение было получено за три недели до подписания знаменитого мюнхенского соглашения. Эта же информация ставила нас в известность о другом важном обстоятельстве, которое и подталкивало Сталина в 1938 году к активным действиям в Чехословакии – поддержке акции Бенеша по свержению правительства Югославии, во главе которого был тогда Милан Стоядинович. Суть вопроса состояла в следующем. Чехословакия и Югославия при поддержке Франции подписали соглашение о создании так называемой малой Антанты, целью которой была защита территориальной целостности Югославии и Чехословакии. Когда обстановка в 1937 году стала обостряться и возникла так называемая проблема судетских немцев, мы получили сведения о том, что правительство Милана Стоядиновича не собирается выполнять свои обязательства перед Чехословакией. Фронт поддержки Чехословакии с юга был оголен, и рассчитывать на прочные тылы не приходилось. Бенеш пытался переубедить югославов и решил прибегнуть к нашей помощи. Мы поддались на уловки военизированной ассоциации «Объединение или смерть» и сербской экстремистской группы «Черная рука», их возможности по свержению Стоядиновича оказались невелики. Однако то обстоятельство, что чешские и югославские круги, взаимодействуя друг с другом, прибегают к негласной поддержке СССР,

для нас было очень кстати. Надо сказать, что секретное соглашение между СССР и Чехословакией было заключено еще в 1935 году, а с югославами в 1940-м, когда в Москве был создан тайный канал связи между Кремлем и Белградом.

В январе 1940 года нами через эмиграцию была получена докладная записка генерала Деникина по русскому вопросу, представленная премьер-министру Франции Даладье, в которой содержалась оценка «интернациональной политики большевизма». Эмиграция и Деникин в январе 1940 года первыми оценили реалии советской внешней политики, указав на то, что «великодержавные, геополитические соображения защиты глобальных российских интересов доминируют над принципами большевистского интернационализма и поддержки мирового революционного движения».

Для нас эта информация имела очень важное значение. Из нее мы не только узнали ход мыслей противника, но и увидели (хотя мной это воспринималось совершенно естественно), что в записке Деникина четко формулировались общие установки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам, в частности о том, что мировое коммунистическое движение должно прежде всего действовать в направлении поддержки СССР, а не классового противостояния в капиталистическом мире. Но самым важным было то обстоятельство, что мировое коммунистическое движение, деятельность компартий Европы, опора на наших зарубежных друзей и источников – все это было подчинено главной цели советской внешней политики – утверждению СССР как ведущей державы на международной арене. Таким образом, идеологические соображения в практической деятельности Коминтерна со второй половины тридцатых годов были отодвинуты на второй план. Коммунистические партии зарубежья мы рассматривали как свой боевой резерв в будущем военном противостоянии.

Работа с эмиграцией позволила нам выйти на самые ценные источники информации, которые негласно разделяли нашу идеологию и взгляды. Эти люди внесли огромный вклад в нашу победу в войне с фашизмом. Они стали со временем, как теперь говорят, агентами влияния. Тогда такой термин мы не использовали. Мы считали их искренними друзьями и опорой Советского Союза.

Невольно возникает вопрос: почему эмигранты сотрудничали с нашей разведкой? К этому времени Советская Россия играла уже иную роль в мировой политике. Это особенно почувствовалось после вступления нашего государства в Лигу Наций, превращения его в великую державу. Именно эти события подтолкнули руководителей эмиграции на официальные и негласные контакты с советскими представителями. Надо не забывать, что эмиграция была неоднородной. Среди нее были монархисты, меньшевики, эсеры, националисты. Тут следует выделить одно существенное обстоятельство, известный парадокс. Сталин лично знал видных деятелей эмиграции, в особенности грузинских меньшевиков. Французские, английские разведывательные и контрразведывательные службы также уделяли повышенное внимание грузинской эмиграции, полагая, что через нее можно выйти на грузинское окружение Сталина или Берии. Такой интерес к грузинской эмиграции с нашей стороны и западных спецслужб привел не только к активному противоборству в течение длительного периода, но и определил на длительную перспективу значение Кавказа и в особенности бакинской нефти в военной и внешнеполитической деятельности Советского Союза, Англии и Франции в тридцатые – сороковые годы.

Нам удалось также наладить тесную связь с эмиграцией, осевшей на Дальнем Востоке. Этой работой руководил первоначально Я. Минскер, затем С. Шпигельглаз, а после И. Чичаев и начальник восточного отделения ИНО М. Яриков. Нынешние историки разведки не особенно распространяются об их роли, за исключением Чичаева. А зря! Причина простая. Шпигельглаз, а затем Яриков были репрессированы по клеветническим обвинениям. К этому приложили руку не только Берия, Кобулов, но, к сожалению, и их коллеги-сослуживцы, которые позднее заняли важные посты в аппарате разведки. Скажем, В. Пудин, ветеран ЧК, участник

операции против Савинкова, активно обличал Ярикова и Шпигельглаза в шпионаже, являясь вместе с тем их подчиненным в ряде операций на Дальнем Востоке. А впоследствии Пудин препятствовал реабилитации Ярикова и Шпигельглаза органами военной юстиции.

Военная разведка и эмигранты

Состояние работы по эмиграции во многом предопределило характер взаимодействия советских разведывательных органов за рубежом. В частности, военная разведка тоже держала связь с эмиграцией. Но при этом она не могла решать многие вопросы без данных оперативных учетов НКВД. Именно по этой причине первоначально в США, Германии, Франции, Китае создавались в двадцатые – тридцатые годы совместные резидентуры ИНО ОГПУ и Разведупра Красной армии.

Новый этап начался после провалов Разведупра, когда разведывательное управление Красной армии «усилилось» А. Артузовым, прекрасно знавшим эмиграцию, который привел с собой и назначил на руководящие должности Штейнбрюка и Карина, видных работников Иностранного отдела НКВД и имеющих огромный опыт агентурной работы. Военная разведка стала более внимательно оценивать людей при использовании эмигрантов русского происхождения, принимала во внимание их связь с зарубежными спецслужбами и контрреволюционными организациями.

Этот этап работы с эмиграцией привел нас к осознанию необходимости проверки не только эмигрантов-агентов первой волны. Мы стали придавать значение родственным связям эмигрантов с крупными государственными чиновниками в администрациях Англии, Франции, США и в большей степени Германии.

С середины тридцатых годов среди эмиграции сложился новый психологический климат в отношении к нашей стране. Это произошло под влиянием событий, связанных с войной в Испании, с вторжением Японской армии в Китай. Повлиял и мировой кризис 1929–1933 годов, а также небывалый рост престижа нашей страны, информация о научных открытиях, достижениях техники, трудовом энтузиазме. Многие другими глазами стали смотреть на новую Россию благодаря поездкам к нам видных зарубежных деятелей – Бернарда Шоу, Герберта Уэллса.

Эмигрантов настраивало на сотрудничество с нами признание Западом советского государства как важнейшего фактора в мировой политике, его роль в пересмотре Германией Версальских соглашений.

Именно на идеологической основе, на симпатиях к коммунизму начала тайное сотрудничество с советской разведкой знаменитая «Кембриджская пятерка», группа видных деятелей научно-технической интеллигенции США, Англии, Франции и т. д. Привлекая их к агентурной работе на идеологической основе, мы старались не ставить во главу угла идеологию в контактах с ними. Хотя все информационные источники, привлеченные на идеологической основе, безусловно, считались наиболее надежными.

Сотрудничество эмиграции с западными спецслужбами создавало фон информации, поступавшей как по линии военной разведки, так и по линии НКВД в Кремль. И эта информация уже в канун войны, до заключения в 1937–1938 годах советско-германского пакта о ненападении, в разгар войны в Испании и обсуждения великими державами трагической судьбы Чехословакии ставила перед нами вопрос о налаживании контактов с Германией и о возможном советско-германском соглашении.

Эмиграция, как чувствительный слой, по наводящим вопросам работников немецких, английских и французских спецслужб ощущала, что все больше превращается в разменную монету в отношениях между Западом и Советским Союзом. Но она уже втянулась в эту жизнь и, как говорится, вошла во вкус.

Прощупывание позиций крупных европейских держав накануне войны отразилось на настроениях русской эмиграции, неизбежно вовлекло ее в лабиринты разведывательных операций и тайной дипломатии в Европе и на Дальнем Востоке.

Антисемитизм или борьба за власть?

В работе советской разведки по эмиграции в тридцатые годы выделилось новое направление – борьба с троцкизмом. Здесь приходилось опираться прежде всего на коминтерновские резервы, особенно на первоначальном этапе. Мы не ставили перед нашей эмигрантской агентурой задачу по ликвидации Троцкого, а использовали ее преимущественно для организации наружного наблюдения за троцкистами. Нам важно было проникнуть в троцкистские эмигрантские организации, искавшие выходы на установление связей со своими единомышленниками в Советском Союзе. Для этого эффективно были использованы негласные агентурные ячейки аппарата компартий, отпочковавшиеся от Коминтерна. Классический пример – использование литовской группы братьев Дмитрия и Алексея Сеземанов, Ю. Айдулиса и др. Эта группа отделилась от литовского комсомола и была перенацелена на проникновение в штаб-квартиру троцкистской организации в Париже.

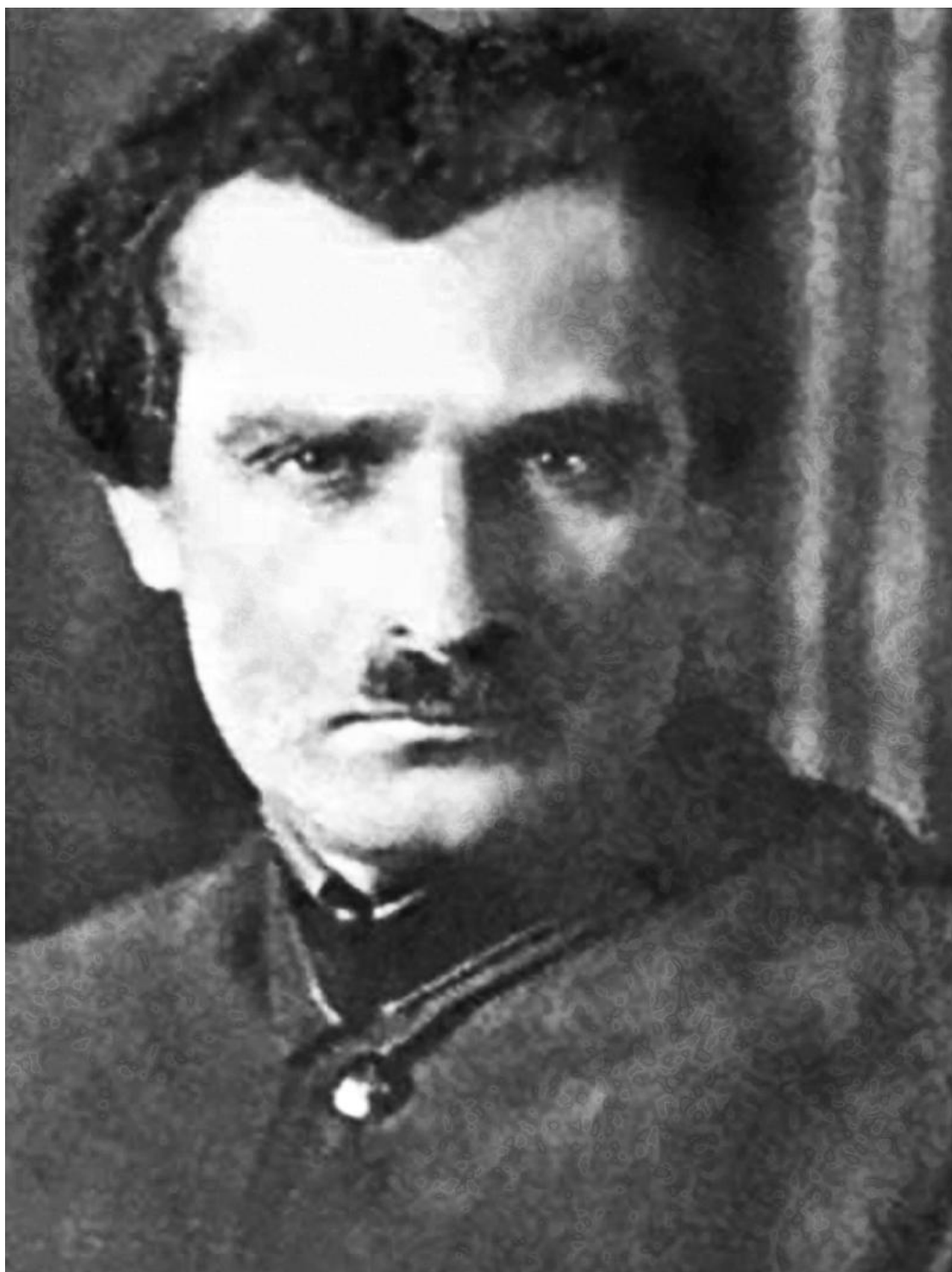
Нельзя не отметить, что троцкистские группы на Западе в большей части состояли из лиц еврейского происхождения. Поэтому у нас возникла необходимость в агентуре, которая имела бы связи с их родственниками, знакомыми и так далее. Пришлось использовать выходы на еврейские мелкобуржуазные и социал-демократические организации, в общение с которыми входили интересовавшие нас лица. Нами была использована, в частности, спецслужба из сионистских организаций в Палестине, завербованная Я. Серебрянским по указанию Дзержинского еще в конце двадцатых годов.

Именно эти группы наиболее эффективно действовали по разложению троцкистского движения и уничтожению его руководителей. Похищение троцкистского архива в Париже, ликвидация секретаря исполкома IV Интернационала были бы невозможны без участия этой агентуры.

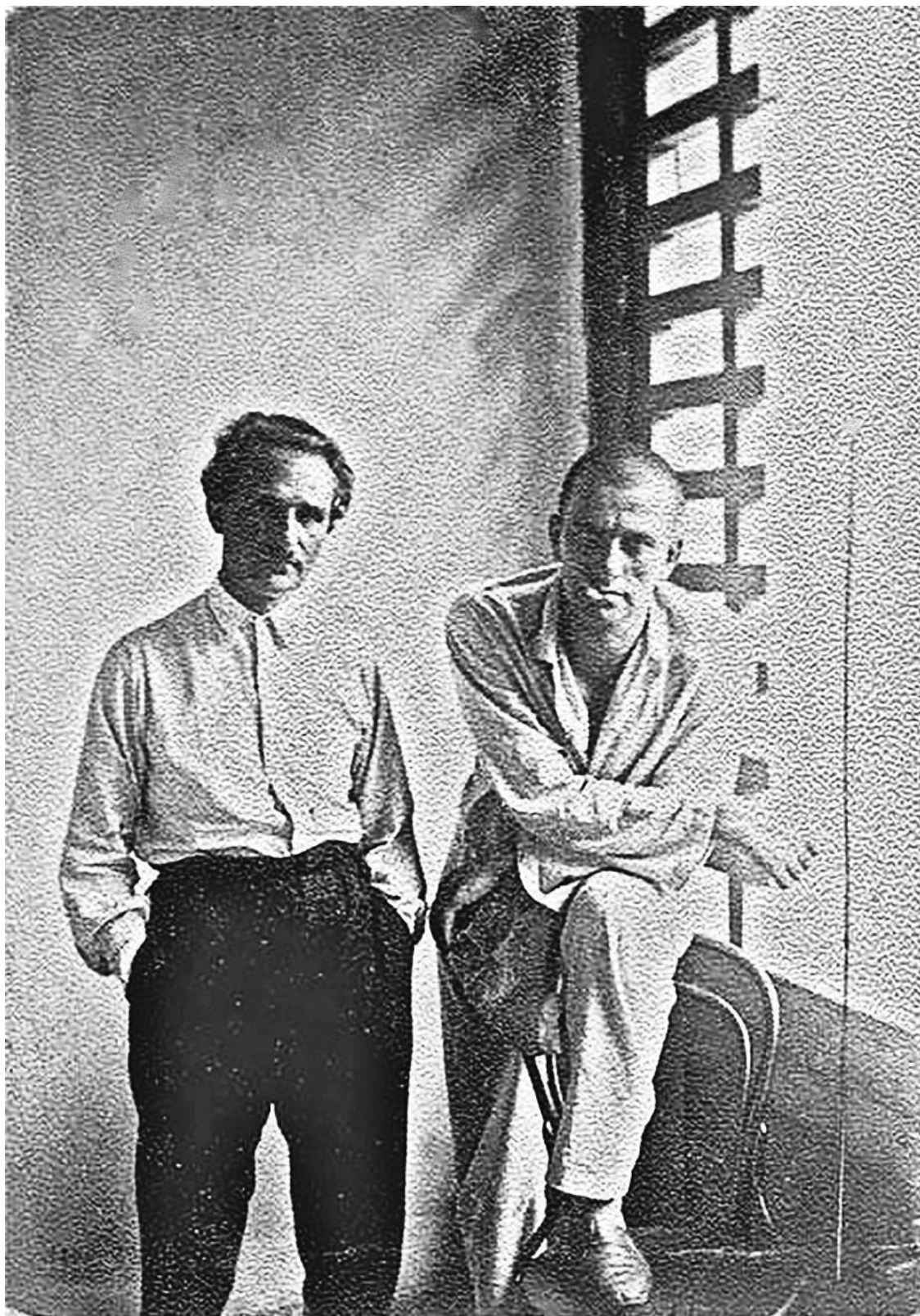
То же самое можно сказать и о разгроме еврейского националистического подполья на территории СССР накануне войны. Сейчас все это преподносится с позиций антисемитизма. Нередко можно услышать, что в борьбе Сталина с Троцким имели место и антисемитские мотивы. Однако это не совсем так. Шла борьба за власть, было личное соперничество, а уж потом ко всему этому добавлялись антисемитские нюансы, если они действительно имели место. По крайней мере, в тридцатые годы не могло быть и речи о каких-либо антисемитских установках или настроениях в работе советского разведывательного аппарата.

Сейчас нередко можно услышать наивный вопрос: как удалось натравливать евреев на евреев? При этом подразумевается убийство Троцкого. По этому поводу могу сказать, что в работе разведки всегда ставка делалась на внутренний раскол и соперничество в среде противника, что было характерно для националистических организаций. Нельзя не учитывать и того, что сионистские, организации и еврейские группы социал-демократического толка, примыкавшие к социалистическому Интернационалу, вели смертельную борьбу друг с другом. В годы войны доходило даже до того, что сионистские лидеры в неофициальных секретных беседах с советскими представителями, в частности с М. Литвиновым, К. Кукиным и сотрудником разведки В. Хангуловым, ясно давали понять, что они не рассматривают расстрел советскими властями лидеров Бунда – еврейской социал-демократической партии – Г. Альтера и В. Эрлиха, ныне реабилитированных, как проблему «преследования евреев» и ни в коей мере не участвуют в антисоветской пропаганде Бунда по этому вопросу.

«Горожанину посвятил свое известное стихотворение «Солдатам Дзержинского» Владимир Маяковский».

Валерий Михайлович Горожанин (1889–1938) – начальник Особого бюро при секретариате НКВД СССР (внешняя разведка), старший майор государственной безопасности (1935); литератор.

Валерий Горожанин (слева) и поэт Владимир Маяковский

«При Вячеславе Менжинском была начата операция «Коридор»

Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874–1934) – российский революционер польского происхождения, советский партийный деятель, один из руководителей советских органов госу-

дарственной безопасности, преемник Ф. Э. Дзержинского во главе ОГПУ (1926–1934), нарком финансов РСФСР (1918), писатель.

«Благодаря деятельности закордонных агентов Дьяконова и Третьякова мы подобрали ключи к еще двум российским эмигрантам – Милюкову и Маклакову».

Павел Павлович Дьяконов (1878 года – 1943 года) – русский генерал, военный агент в Великобритании, агент советский разведки

Сергей Николаевич Третьяков (1882–1944) – российский предприниматель, политический деятель. Председатель Экономического совета Временного правительства (1917), затем эмигрант. С 1929 года тайно сотрудничал с ОГПУ (затем – НКВД).

«Милюков – фигура известная. Это крупный политический деятель, авторитет которого в кругах эмиграции был очень большой».

Павел Николаевич Милуков (1859–1943) – русский политический деятель, историк и публицист. Лидер Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы, кадетской партии). Министр иностранных дел Временного правительства в 1917 году. С 1916 года – почётный доктор Кембриджского университета.

«Маклаков – крупный государственный деятель дореволюционной России. В октябре 1917 года был послом Временного правительства. Нам удалось полностью контролировать всю его почту, к которой в Кремле проявлялся вполне закономерный интерес».

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) – российский адвокат, политический деятель. Член Государственной думы II, III и IV созывов.

«И только в 1939 году, после массовых арестов и чисток в СССР, руководством английской, французской и немецкой спецслужб, особенно

после похищения и вывоза нами руководителя «Российского общевойскового союза» Миллера, было осознано, что русская эмиграция нашпигована и разложена агентурой ОГПУ-НКВД».

Евгений-Людвиг Карлович Миллер (1867–1939) – русский военачальник, генерал-лейтенант (1915); руководитель Белого движения на севере России в 1919–1920 годах. С 1930 года руководитель РОВСа. В сентябре 1937 года похищен и вывезен агентами НКВД из Парижа в Москву.

Глава 3. Советско-германский пакт о ненападении

Гитлер, а не Сталин первым протянул руку

Бытует мнение, что советско-германский пакт о ненападении якобы был обусловлен жестом Сталина, который выразился в смене Литвинова Молотовым в качестве наркома иностранных дел. Ходили и такие слухи, что родственник Сталина Канделаки, работавший в нашем торгпредстве в Берлине, зондировал с гитлеровским руководством вопросы по поводу нормализации советско-германских отношений еще в 1935–1937 годах. И на этой основе поддерживались неофициальные связи в области экономического сотрудничества и поиска общих интересов в сферах международной политики с Германией.

Очень часто пакт о ненападении с Германией изображают, абстрагировавшись от его значения. При этом не берется во внимание неизбежность урегулирования спорных вопросов передела мира, конфликтных ситуаций в международных отношениях в конце тридцатых годов, не учитываются нюансы, связанные с моральными аспектами в практике международных отношений.

Но хотелось бы напомнить, что сказал Черчилль. Он писал, что в «истории дипломатических отношений западных держав, увлеченных западной демократией, легко проступает список сплошных преступлений, безумств и несчастий человечества... после самых тщательных поисков мы вряд ли найдем что-либо подобное такому внезапному и полному отказу от проводившейся пять или шесть лет политики благодушного умиротворения и выражению готовности пойти на явно неизбежную войну в гораздо худших условиях, в самых больших масштабах».

Я не собираюсь вдаваться во всю предысторию этих отношений, потому что в нашей литературе, особенно об истории разведки и дипломатии, все это довольно подробно описано. Но хотелось бы указать на следующее. Весной 1939 года (тогда я стал одним из руководителей внешней разведки органов безопасности) начался тот самый период, когда четко обозначился поворот всех ведущих держав мира в сторону определения своей позиции (взаимные договоренности, заключение тайных, открытых, любого вида сделок) в связи с войной, неизбежность которой была предreshена.

Американские, английские и советские правящие круги, используя свои разведывательные и дипломатические каналы, были наиболее осведомленными в сфере секретных контактов, которые завершились подписанием пакта о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 года и началом 1 сентября 1939 года второй мировой войны.

Немцы имели сильные выходы на правящие круги США, Франции, Англии, но не понимали секретных пружин американской и английской политики. Это происходило потому, что, по нашим агентурным данным, Гитлер переоценивал, связи, которые у него были в окружении премьер-министра Англии Н. Чемберлена. Успех мюнхенского соглашения, решившего судьбу Чехословакии, вскрыл ему голову. Он считал, что молчаливое согласие англичан по поводу оккупации и расчленения Чехословакии в марте 1939 года предопределяет их невмешательство в предстоящую войну, поэтому, недолго думая, заявил о своих претензиях к Польше. Таким образом традиционная линия в английской внешней политике – умиротворить Гитлера и направить его на Восток, была нарушена.

Упускается, однако, из виду, что тогда Гитлером еще не были определены сроки развязывания войны. Как следовало из наших агентурных материалов, 25 марта 1939 года он склонялся к тому, что возможно решение конфликта с Польшей мирным путем, но 29 марта его карты были спутаны, потому что Англия, проглотив заявление о занятии Чехословакии, неожиданно выступила с инициативой предоставления гарантий Польше. Сразу же у тех, кто

был у руля европейской внешней политики, возник вопрос: чего будут стоить эти гарантии, и именно после этого начинался известный раунд советско-англо-французских консультаций.

Информация, которой располагали, полученная от «Наследника», очень надежного источника, помимо Кембриджской пятерки, а также материалы, предоставленные небезызвестным банкиром Виктором Ротшильдом, проходившим в нашей оперативной переписке под псевдонимом «Джек», подтверждали, что советско-германский пакт о ненападении не стал сдерживающим фактором для Англии и Франции, на что рассчитывал Гитлер. Было очевидно, что, несмотря на существующее прогерманское влияние в английских правящих кругах, Англия не пойдет на компромисс в отношении Польши, а значит, ввяжется в войну. Пакт же с СССР для Гитлера являлся передышкой. Что же касается Польши, то он, опираясь на реальные боевые возможности вермахта, рассчитывал на молниеносный ее разгром.

Феномен «странной войны», которая развернулась на Западе с 3 сентября 1939 по май 1940 года, был не чем иным, как успешной реализацией немцами плана предотвращения полномасштабной войны на два фронта, поскольку германские вооруженные силы не были к этому готовы. Этим и объясняется линия Гитлера на мирные экономические отношения с Россией.

Очень часто Сталину приписывают инициативу договориться с Гитлером. На самом же деле Гитлер первым начал прощупывать позицию Советского Союза еще весной 1939 года, когда внешнеполитическое ведомство возглавлял М. Литвинов. В этой связи следует выделить два направления деятельности нашей внешней разведки, которые связаны с именами начальника отделения ИНО по Турции и Ближнему Востоку В. Хангулова и заместителя начальника ИНО Н. Мельникова. У них концентрировались материалы по первым зондажным подходам немецких дипломатов к советским официальным представителям.

Весной 1939 года мы получили первые сигналы из французской резидентуры об изменениях в польско-французских отношениях как традиционных союзников. Французские правящие круги, сообщал наш агент, завербованный еще Серебрянским и работающий в канцелярии премьер-министра Франции Даладье, очень раздражены зигзагами и шараханьем в польской внешней политике, и ее министр иностранных дел Бек не пользуется у них серьезным доверием.

Таким образом, еще весной 1939 года мы были осведомлены о том, что польско-французские и польско-английские отношения находятся в подвешенном состоянии. И, следовательно, тот зондаж, который был начат с нами о содружестве и гарантиях западных держав в отношении Польши, когда Гитлер выступил с открытыми территориальными претензиями к ней, уже воспринимался нами очень сдержанно.

В то же время Польша изъявляла гораздо большее желание договориться с Гитлером об урегулировании возникшей ситуации. В связи с этим мне вспоминается совещание в кабинете начальника ИНО Фитина относительно сообщений, поступивших из Турции, на котором присутствовал и Хангулов. Надо сказать, что, как только германское посольство в Турции возглавил фон Папен, он поставил ряд острых политических вопросов перед нашими представителями. Мне пришлось этим серьезно заниматься, потому что, с одной стороны, наш посол сообщал о беседах, которые у него были с Папеном, с другой – в то время как резидентура ставила нас в известность о другом важном обстоятельстве – главной целью Палена было добиться в любом варианте неофициальной встречи с заместителем наркома иностранных дел В. Потемкиным, который находился тогда в Турции. (Сейчас недооценивают значение этих событий.)

Надо сказать, что в то время у нас с Турцией складывались особые отношения: через эту страну прорабатывались довольно деликатные вопросы связей СССР со странами Запада. Турецкое руководство стремилось играть роль неофициального посредника между Советским Союзом, Англией и Германией в обсуждении спорных проблем.

Сообщение нашей резидентуры о том, что немцы просят турок через свои связи в Москве выйти на кремлевское руководство, пришло почти одновременно с информацией о беседе, которую имел наш посол в Турции А. Терентьев с фон Папеном.

Помнится, Хангулов и Мельников докладывали эти материалы Фитину, а потом и Меркулову. Интересно, что запись беседы посла СССР в Турции Терентьева с Папеном вел сотрудник Иностранного отдела НКВД, работавший под прикрытием в посольстве. Немецкое руководство посредством Папена ставило перед нами весьма важные вопросы. Они касались политики на Балканах, будущего стран Восточной Европы, стабилизации обстановки на Кавказе и в Иране.

Вторая беседа Терентьева с Папеном состоялась уже по инициативе советской стороны. Обсуждался вопрос, касающийся урегулирования конфликта Германии с Польшей. При этом Папен был довольно сговорчив. Но вместе с тем он излагал концепцию Германии о ее обязательном присутствии на Балканах и необходимости установления новых отношений с СССР. Папен неоднократно повторял, что между Советским Союзом и Германией нет никаких неразрешимых противоречий, которые бы препятствовали их сближению, что нужно строить отношения совершенно по-другому, на новых основах. В шифровках содержались даже такие высказывания, что идеологические разногласия надо оставить в стороне и вернуться к былым бисмарковским временам дружественных отношений между Россией и Германией.

Должен откровенно признать, что, несмотря на эти материалы, мне и в голову не могло прийти, что вскоре, всего через три месяца, будет подписан важнейший договор с Германией о ненападении и экономическом сотрудничестве. Я тогда не понимал, что соображения Папена перекликались с тезисом, который Сталин высказывал еще на XVII и на XVIII съездах партии в своих отчетных докладах о разграничении идеологических противоречий и необходимости поддержания соответствующих межгосударственных отношений. Таким образом, становилось очевидным, что советское руководство, давая директивы Терентьеву на дальнейшее прощупывание позиций Папена, рассматривало его не просто как посла, а как бывшего канцлера, руководителя немецкого правительства. Было ясно, что по собственной инициативе Папен не мог делать подобных заявлений (подтверждение этому мы получили из Берлина) и что он направлен Гитлером в Турцию послом с широкими полномочиями. В его задачу входило превратить Турцию в важнейшую нейтральную страну, мощную буферную зону, через которую следует прощупывать все возможные повороты в ближневосточной политике.

Сейчас много говорят о советско-германских тайных переговорах, о секретных протоколах, пытаются утверждать, что в одночасье был потерян шанс на достижение соглашения с западными державами, что Сталин предпочел договоренность с немцами отношениям с англичанами и французами. Это абсолютно не так. Буквально через две недели зам. наркома иностранных дел В. Потемкин оказывается вовлеченным в секретные переговоры с англичанами, которых также интересовали позиции советского правительства по мирному сотрудничеству.

И наконец, примерно в то же время, когда Потемкин беседовал с английским послом в Турции, проходила историческая встреча в Москве Молотова с немецким послом в СССР Шуленбургом, который ставил вопрос об улучшении советско-германских отношений. Шуленбург вел разговор об экономическом соглашении, но Молотов ответил, что экономическим переговорам должна предшествовать соответствующая политическая база и что советская сторона заинтересована в получении конкретных разъяснений в этой области. Противоречия между Германией, Англией и Францией активно втягивали СССР в самые узловые проблемы международных отношений. Внешнеполитическая деятельность Советского Союза постепенно приобретала судьбоносное значение для будущего Европы и мира.

В 1990 году М. Горбачев и А. Яковлев устроили широкую дискуссию по поводу советско-германского пакта о ненападении и секретных протоколов к нему. Поражает фарс организации слушаний по этому вопросу на съезде народных депутатов. В критические периоды

мировой истории тайная дипломатия и секретные протоколы – неизбежные атрибуты внешней политики. В отличие от рядовых парламентариев, и Горбачев, и Яковлев, и Шеварднадзе, в то время тайно договаривавшиеся с руководством США, Англии и Германии о кредитах, займах в обмен на уход СССР из Восточной Европы, прекрасно отдавали себе в этом отчет. Вся возня вокруг секретных протоколов к советско-германскому пакту была затеяна весьма искусственными в делах тайной дипломатии людьми с целью отвлечь внимание общества от собственных провалов во внешней политике, от односторонних, ничем не оправданных стратегических уступок западным державам. Ничем, кроме «искреннего» тупоумия и профессиональной некомпетентности нельзя объяснить их расчеты на то, что страны Запада экономически помогут возрождению «демократии» в СССР в обмен на внешнеполитические уступки и одностороннее прекращение «холодной войны». За всем этим, по-моему, скрывалась наивная вера, что Запад поможет Горбачеву в условиях кризиса в Советском Союзе удержаться у власти.

«Редактор», Бенеш и Рузвельт

Летом 1939 года активизируется деятельность нашей агентуры в США. В новом повороте советской политики сыграл большую роль К. Уманский, который, будучи послом в США, одновременно выполнял там функции главного резидента советской разведки после отзыва в 1938 году работников НКВД и Разведупра Красной армии. В нашей переписке он значился как «Редактор». По указанию Москвы Уманский установил личные тесные связи с президентом Чехословакии Бенешем, находящимся в изгнании в США. При этом Бенеш выступал в качестве посредника между Рузвельтом и советским руководством. Этот факт у нас, к сожалению, должным образом не освещался. А он, между прочим, заслуживает серьезного внимания. Встречаясь с Уманским, Бенеш излагал позицию Рузвельта по ряду узловых проблем развития обстановки в Европе. О переговорах и встречах с Бенешем Уманский докладывал наркому иностранных дел Молотову и НКВД. Иногда его сообщения с резолюциями Берии или Меркулова направлялись Фитину и мне.

Несмотря на то что Бенеш оказался в эмиграции, а Чехословакия была оккупирована, он считал своим долгом регулярно продолжать работу по поддержанию секретных советско-чехословацких отношений. Даже в трудное для себя время он очень ответственно подходил к выполнению взятых перед нами обязательств. Так, в сентябре 1938 года в самый канун своего бегства из Чехословакии он дал указание чешскому военному концерну, выполнявшему заказ на изготовление оружия для республиканской Испании, перечислить 1,5 миллиона фунтов стерлингов, полученных от СССР, на счет советского коммерческого банка в Париже. В то время заказ этот уже невозможно было выполнить, поскольку создалась реальная угроза оккупации Чехословакии. Средства же эти в счет депонированного в 1936 году испанского золота сыграли большую роль при выведении республиканского актива из-под удара фашистов на заключительной стадии гражданской войны в Испании.

При встрече с «Редактором» Бенеш сообщил, что его европейская, в том числе и немецкая агентура подтверждает ранее переданные данные о планах Гитлера, не дожидаясь конца сентября, осуществить захват Данцигского коридора, а затем нанести удар по Польше. Бенеш назвал три направления главных ударов и концентрации немецких войск, которые впоследствии полностью подтвердились. Это бросок из Восточной Пруссии на юго-запад, затем на Познань и операции в Верхней Силезии.

Расчет немцев, по информации Бенеша, сводился к тому, что для англичан и французов их маневр будет неожиданным, поэтому ониотреагируют не сразу. Используя их растерянность и отсутствие договоренности с Советским Союзом, операцию можно будет продолжить в течение двух-трех недель, после чего открыть «очередное мирное наступление» на англо-французов и добиться, как с Испанией, их невмешательства. Далее Германия должна была дви-

нуться на юго-восток. Если расчет на англо-французское невмешательство не подтвердится, немцы планируют осуществить воздушное нападение на Англию. По сведениям Бенеша, первыми жертвами юго-восточного этапа агрессии станут Греция, Албания и Хорватия. Первоначальные планы восстания и интервенция в Добрудже (Румыния) заморожены.

Бенеш сообщал и об интенсивном давлении немцев на Польшу, требующих не допустить присутствия на их территории чехословацких формирований и выдать им наиболее видных из перебравшихся в Польшу чешских военных. Бенеш отметил, что в случае ожидаемых им событий он даст сигнал к развертыванию движения сопротивления в Чехословакии.

Другое сообщение Уманского было адресовано только Сталину, Молотову и Берии. В нем ставился поднятый Бенешем вопрос о советском содействии в формировании чехословацкого легиона на территории Польши, о новых формах сотрудничества советской и чешской разведок в рамках московского соглашения 1935 года. Уманский информировал, что Бенешем даны указания прибывшему в Лондон полковнику Моравцу, руководившему чешской агентурой, установить рабочие связи с представителем советской военной разведки в Лондоне.

Вся эта информация опровергает безответственные утверждения о том, что советско-германское соглашение о ненападении было экспромтом Сталина и Молотова.

Впоследствии полковник Моравец поддерживал связь с нашим послом в Лондоне Майским, военным атташе, а позднее и резидентом НКВД. Бенеш во время встреч с Майским обсуждал планы участия Чехословакии в создании Восточного и Западного фронтов против Германии в случае ожидаемого начала войны.

Надо сказать, что американские и английские правящие круги отдавали себе отчет о двойной роли Бенеша. Например, Черчилль после возвращения Бенеша из США в Англию напрямую спросил его, пришел ли он к нему в качестве самостоятельного политического деятеля или как агент Сталина: «Что, Сталину удобнее разговаривать со мной не напрямую, а через Бенеша?». Практически через Бенеша был установлен не прямой, но очень важный канал связи с английскими и американскими правящими кругами. Это совершенно не исследованный, но достоверный факт в истории нашей разведки и дипломатии.

Благодаря Бенешу впервые нам стало ясно и другое: идти на заключение соглашения с английскими и французскими правящими кругами в условиях разногласий между ними по поводу сближения с Советским Союзом и о возвращении к идее коллективной безопасности в Европе, бесперспективно. Такая ситуация подстегивала наше руководство к поиску эффективного политического решения. И, разумеется, в поисках его никто не был озабочен соображениями абстрактной морали. Для нас, что необходимо подчеркнуть, никогда не означали какой-либо общей заинтересованности в мировой революции. Мы четко представляли, что победа мировой революции может быть осуществлена только на основе укрепления материального могущества Советского Союза. И ради этой цели, ради укрепления нашей страны перед нами не стояло вопроса о том, кого использовать.

Почему узел вокруг отношений с Уманским приобретает очень важное значение в период первого этапа зондажных переговоров с немцами в начале лета 1939 года? Дело в том, что Уманский имел постоянную тесную связь с министром финансов США Генри Моргентау, правой рукой президента США Рузвельта. А одним из главных консультантов Моргентау был помощник министра, член негласного аппарата компартии США Гарри Декстер Уайт, он же «Кассир» в нашей переписке. Под прикрытием урегулирования с советским послом вопросов задолженности, признания царских долгов Моргентау и Уайт зачастую в неформальной обстановке передавали советской стороне исключительно ценную внешнеполитическую информацию об отношении правящих кругов США к развязыванию войны в Европе и японской агрессии на Дальнем Востоке.

Любопытна и роль Рузвельта в этом неформальном неофициальном диалоге. Он был предельно откровенен с Бенешем, не скрывал от него своей двойственной позиции, что не собира-

ется использовать имеющиеся у него рычаги воздействия на англичан и французов. Например, он откровенно говорил о своей заинтересованности в успехе наших переговоров с англичанами и французами, употребляя в то же время крепкие выражения в их адрес за непоследовательность. Иными словами, мы получали через Бенеша и Уманского четкую информацию помимо той, которая шла из Англии о нежелании правящих кругов Англии и Франции договариваться с нами об отпоре фашистской агрессии. Таким образом, зная об этой двойной игре стран Запада, советской дипломатии ничего не оставалось, как вести одновременно переговоры и с англо-французской, и с германской сторонами.

Мы имели также проверенную информацию о двойственной, а точнее, антисоветской позиции Польши, стремившейся спровоцировать военное столкновение Германии и Советского Союза.

На потепление отношений с Германией заметно повлиял один эпизод, связанный с освобождением из испанского плена группы моряков из экипажа нашего корабля «Комсомолец», потопленного немцами, или фалангистами, и капитана другого корабля – «Цюрупы». В это активно была вовлечена разведка НКВД. Мы обратились к немцам с просьбой посодействовать в освобождении моряков, в чем они нам не отказали.

Надо сказать, что улучшение наших отношений с Германией произошло на фоне крупномасштабного конфликта СССР с Японией в мае – августе 1939 года. Именно в период напряженных боев, когда исход сражения на Халхин-Голе был еще не решен, немцы выступили с очень важным заявлением о том, что нам не следует переоценивать угрозу перерастания военного конфликта на границах Монголии в большую войну. И предложили свою помощь в урегулировании советско-японских отношений. Для достижения компромисса по этому вопросу, считали они, Советскому Союзу необходимо поддержать Китай. Молотов вначале отмолчался по этому поводу. Но немцы дали понять, что осложнение отношений между Англией, США, Францией и Японией – это существенный повод, не способствующий вовлечению СССР в войну с Японией, которая слишком увязла в Китае. При этом нам доверительно сообщили, что не кто иной, как Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел Германии, провел беседу с японским послом Осимой в Берлине и высказался в пользу нормализации отношений между Германией, СССР и Японией.

В критический для нас момент, еще до победы на Халхин-Голе, благодаря немцам мы узнали о серьезнейших противоречиях и разногласиях между японским послом в Берлине Осимой и его японским коллегой в Москве – Того. По линии НКВД советское правительство получило подтверждение этой информации. Наша радиоконтрразведка и агентура контролировали переписку между посольством Японии в Москве и японским МИДом. Символично, что Сталин и Молотов именно из этого, второго источника получили подтверждение, что японский посол в Москве, который со временем стал министром иностранных дел Японии, занимает позицию мирного урегулирования советско-японских отношений. Это была очень важная информация, поскольку военные события на Дальнем Востоке связывали руки советскому руководству в довольно сложной ситуации со стороны Запада.

Канделаки – торгпред и сталинский эмиссар

В зарубежной литературе много материалов публиковалось о тайной миссии Давида Владимировича Канделаки, торгпреда СССР в Берлине в 1935–1937 годах. Высказывались предположения, что он имел поручение прощупать позицию немцев на предмет улучшения отношений с нами. Канделаки был известен на Западе как крупная фигура, занимающаяся не только внешнеполитической деятельностью. До этого он был торгпредом в Швеции, работал с полпредом Коллонтай, был вхож в круги, близкие к Сталину, возможно, лично с ним встречался.

Однако роль Канделаки неправомерно преувеличивается. Перед ним ставилась задача сохранить с Германией экономические отношения, установленные в двадцатые годы. Именно по этой причине Канделаки встречался с верхушкой немецких финансово-промышленных кругов. В наших архивных документах остались некоторые следы его связей. Об этом мне говорил Л. Безыменский, наш крупнейший историк советско-германских отношений.

Надо отметить, что судьба Канделаки сложилась трагично. Но трагичной оказалась судьба всех людей, занятых в неофициальных переговорах об улучшении российско-германских отношений. Канделаки был принесен в жертву в связи с тем, что кремлевская верхушка стремилась всячески отмежеваться от тех, кто знал о нашей большой заинтересованности в экономических отношениях с западными развитыми странами независимо от их политического строя. Канделаки фактически был одним из свидетелей конкретной линии советской политики, проводимой людьми очень среднего номенклатурного уровня, вне высшего политического руководства. Кому-то было дозволено об этом знать, а кто-то оказался вовлеченным в эти операции, не будучи сотрудником спецслужб, но находясь на дипломатической работе или занимаясь внешнеторговой деятельностью.

Канделаки оказался как бы попутчиком в исполнении специальных поручений. И поскольку информация о его контактах с министром финансов, крупнейшим банкиром нацистов Я. Шахтом всплыла в Германии, в западной прессе, то судьба Канделаки была предрешена. Он был объявлен немецким шпионом и расстрелян в 1938 году, хотя никаким шпионом он не был. Это было сознательное преступление советского руководства, которое таким образом заметало следы.

Вместе с тем важно отметить и другое. Личные высказывания Шахта о заинтересованности влиятельных финансово-промышленных кругов Германии в экономическом сотрудничестве с Советским Союзом, подтвержденные по линии разведки, способствовали тому, что у Сталина и Молотова родилась иллюзия, о возможности длительного мирного сосуществования с Германией на почве экономических связей. Такие люди действительно были в Германии, но, как выяснилось вскоре, их экономическое и политическое влияние на Гитлера оказалось, к сожалению, не столь значительным.

М. Розенберг: «Мои стремления к оперативной работе очевидны...»

Второй жертвой тайных контактов, преследовавших осуществление намерений влиятельных немецких кругов, стал Марсель Розенберг, первый координатор работы Разведупра и Иностранного отдела ГПУ, наш временный поверенный в делах во Франции, позже заместитель генерального секретаря Лиги Наций и первый советский посол в республиканской Испании. В истории нашей дипломатии он, к сожалению, совершенно обойден вниманием. А ведь именно Розенберг обеспечил работу по завершению подписания советско-французского пакта о взаимопомощи в 1935 году. Он блестяще справился с поручением разведать у французского банкира Танери о реальных намерениях Германии, которая вынашивала планы поделить с Польшей советскую Украину.

Розенберг сыграл также ключевую роль в организации вступления СССР в Лигу Наций, опираясь на свои широкие связи среди прогрессивной общественности и влиятельных дипломатов Франции, Румынии, Испании и Чехословакии.

Не могу не привести драматические строки из его письма от 13 декабря 1937 года, адресованного им Сталину. Оно чудом сохранилось в архивах НКВД и было приобщено к его уголовному делу. Копию письма передала в МИД России вдова посла Марианна Ярославская.

Вот этот текст:

«Мои отношения с товарищами по работе были принципиальными и выдержанными. Я на любой работе считал, что выполняю задание, вправе до получения директив отстаивать по конкретным вопросам свою точку зрения, не плетясь в хвосте того или иного ведомственного руководителя. Именно с этим связаны мои отношения с Чичериным, когда они были не безоблачными, они были в корне подорваны тем анализом позиций Турции, который я дал в качестве поверенного в делах Турции. Еще до этого я давал сигналы относительно политики афганского правительства, которые не соответствовали романтическому представлению Чичерина о нашей политике на Ближнем Востоке. В курсе этого товарищи Литвинов и Суриц.

Мои отношения с Крестинским испортились в период моего пребывания в Париже. Он, как правило, старался систематически проваливать все исходившие от меня предложения, касающиеся французских дел. С тов. Литвиновым я реже расходился в оценке конкретных вопросов, однако и с ним мне приходилось часто не соглашаться по существенным вопросам нашей дипломатии и дипломатической политики. При чем тов. Литвинов, наверное, не считал, что в этом сквозило мое желание показаться оригинальным или какие-либо моменты личного порядка. Никогда я не делал карьеру чиновничью. К уходу в 1926 году из Народного комиссариата иностранных дел в аппарат ЦК, на низовую работу никто меня не принуждал. К моменту ухода из НКВД я занимал должность заведующего вспомогательного бюро. Это бюро было специально создано для разработки секретных материалов ГПУ и разведуправления Красной армии. Кроме того, на этой должности я имел доступ ко всей секретной переписке Народного комиссариата иностранных дел. Я ушел из НКВД, так как на этой работе не имел никакого касательства к живому делу. В силу этого мои стремления к оперативной работе были очевидны. Я просил ЦК через посредство тов. Литвинова пересмотреть решение о направлении меня на работу в Лигу Наций. Через тов. Литвинова я, начиная с 1934 года, неоднократно устно и письменно ставил вопрос о переводе меня на какую угодно работу внутри Союза.

Работая в Женеве, я был в курсе всех перипетий нашей внешней политики – благодаря частым наездам нашей делегации в тот период и благодаря контакту с Парижским полпредством. Я домогался освобождения от работы в Женеве, так как в основном был лишь в роли наблюдателя среди руководства.

Сознание, что ни в моем настоящем, ни в моем прошлом нет ничего, из-за чего меня следовало исключать из партии, побуждает меня еще раз обратиться непосредственно к вам, товарищ Сталин».

К этому стоит добавить, что Розенберг совместно с агентом советской разведки, корреспондентом ТАСС в Париже В. Кином провели труднейшую работу по выявлению реальной позиции фашистского банкира Шахта в отношении к Советскому Союзу. Но тем не менее и Кина, и Розенберга, и замнаркома иностранных дел, бывшего посла в Берлине Н. Крестинского не миновала трагическая участь. Они были арестованы и казнены якобы за шпионаж и измену.

Чудовищные обвинения в попытке установить секретные контакты с немецкими властями, предъявленные Крестинскому и Розенбергу, имели под собой тайную подоплеку, но руководство страны прекрасно знало, что все обвинения против этих людей – сплошная фальсификация и вымысел, что все их действия за рубежом базировались на неукоснительном выполнении указаний правительства СССР.

Говоря о Розенберге, нельзя не отметить его выдающиеся способности дипломата и разведчика. Именно он привлек к сотрудничеству с Советским Союзом известного журналиста Женевьеву Табуи, последовательно разоблачавшую прогитлеровскую и антисоветскую политику умиротворения фашистской агрессии. Благодаря ей советская разведка опубликовала в авторитетной не только левой, коммунистической прессе материалы о преступлениях фашистских легионов в Эфиопии и Испании. Книга Табуи «Меня называют Кассандрой» принадлежит к числу лучших произведений антифашистской публицистики. Табуи также активно участ-

вовала в нашей разведывательной работе при подготовке советско-французского договора о ненападении, подписанного в 1935 году.

Деятельность и контакты Розенберга получили значительное развитие и в сороковые годы. Его доверенное лицо, видный французский общественный деятель, министр правительства народного фронта и антифашистской коалиции в сороковые годы Пьер Кот, товарищ «Дедал», сыграл большую роль в осуществлении поставок самолетов республиканской Испании, в антифашистской борьбе. Помогая Литвинову в США, нашему резиденту Зарубину, ведя с нами важную переписку, «Дедал» достойно продолжил дело своего соратника и учителя.

Георгий Астахов

И наконец, еще одна достойнейшая личность – Георгий Астахов, советник нашего посольства в Берлине с 1938 года, также ставший жертвой репрессий. Именно он был тем, кто вынес на своих плечах основную тяжесть в поддержании тайных советско-германских отношений и подготовку всех договоренностей, подписанных 23 августа 1939 года. Несмотря на ведущую роль Астахова в начальной стадии переговоров по пакту о ненападении и то, что он был принят на высшем уровне, его осенью 1939 года отстранили от работы в НКВД, а в феврале 1940 года по специальному указанию Молотова Астахов был арестован и обвинен в двойной игре.

Георгий Александрович Астахов был, однако, не просто дипломатом. Он первым проложил дорогу к советско-германскому пакту о ненападении. С ноября 1938 года ему был поручен, так же как Уманскому в США, ряд обязанностей резидента разведки НКВД в Берлине. Занимался Астахов прежде всего политической разведкой, но поддерживал агентурные связи. При этом его сообщения о политической обстановке в стране, адресованные Берии, в аппарат ИНО не спускались. Насколько я помню, все телеграммы, два письма за его подписью подлежали обязательному возврату в секретариат НКВД. Астахов мужественно держался во время следствия, ни в чем себя виновным не признал. Неоднократно обращался к Берии, напоминая о выполнении им важных поручений по линии НКВД. Первоначально его держали в тюрьме «на всякий случай», если понадобится, поскольку он хорошо знал немецких руководителей. И только в 1941 году Астахов был осужден в массовом порядке, когда военная коллегия в условиях надвигающейся войны штамповала приговоры арестованным в 1938–1939 годах. Астахов погиб в лагере. Материалы о его деятельности находятся не только в уголовном деле, но и в архивах Берии, Молотова, а также в архивном фонде секретариата НКВД-НГКБ.

«Летом 1939 года активизируется деятельность нашей агентуры в США. В новом повороте советской политики сыграл большую роль К. Уманский, который, будучи послом в США, одновременно выполнял там функции главного резидента советской разведки после отзыва в 1938 году работников НКВД и Разведупра Красной армии. В нашей переписке он значился как «Редактор».

Константин Александрович Уманский (1902–1945) – советский дипломат и журналист. 1936–1939 – советник Полномочного представительства СССР в США. С июня 1938 года по 11 мая 1939 года – поверенный в делах СССР в США. 11 мая 1939 года – 9 мая 1941 года – полномочный представитель СССР в США. 9 мая 1941 – 5 ноября 1941 года – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США. 1941–1943 – член коллегии НКВД СССР.

«Уманский информировал, что Бенешем даны указания прибывшему в Лондон полковнику Моравцу, руководившему чешской агентурой, установить рабочие связи с представителем советской военной разведки в Лондоне».

Франтишек Моравец (1895–1966, Вашингтон) – чехословацкий военачальник, чехословацкий легионер в Первую мировую войну, высокопоставленный офицер чехословацкой армии в довоенной Чехословакии. С 1937 года возглавлял чехословацкую военную разведку, с 1940 года бригадный генерал при правительстве в изгнании в Лондоне. Участник чешского движения Сопротивления. После 1945 года вернулся в Чехословакию и служил в армии, в 1948 году бежал в Германию и затем в США.

«Дело в том, что Уманский имел постоянную тесную связь с министром финансов США Генри Моргентау, правой рукой президента США Рузвельта».

Генри Моргантау (1891–1967) – американский государственный деятель. В 1933 г – заместитель министра финансов. Министр финансов США в период с 1934 по 1945 год. Политический и экономический советник президента США Ф. Рузвельта.

«А одним из главных консультантов Моргантау был помощник министра, член негласного аппарата компартии США Гарри Декстер Уайт, он же «Кассир» в нашей переписке».

Гарри Декстер Уайт (1892–1948) – американский экономист, представитель министерства финансов США на Бреттон-Вудской конференции. В частности, Уайт был автором проекта создания Международного Валютного Фонда через неделю после Перл-Харбора, а также участвовал в создании Всемирного Банка – основных учреждений Вашингтонского консенсуса. Уайт давал показания и защищал свою репутацию перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в августе 1948 года. Через три дня после дачи показаний Уайт умер от сердечного приступа в летнем доме в Фиц Уильям, штат Нью-Гэмпшир. Несколько источников информации, в частности архивные документы ФБР и СССР, указывают на то, что он передавал секретные данные Советскому Союзу.

«В зарубежной литературе много материалов публиковалось о тайной миссии Давида Владимировича Канделаки, торгпреда СССР в Берлине в

1935–1937 годах. Высказывались предположения, что он имел поручение прошупать позицию немцев на предмет улучшения отношений с нами. Канделаки был известен на Западе как крупная фигура, занимающаяся не только внешнеполитической деятельностью».

Давид Владимирович Канделаки (1895–1938) – советский дипломат. Нарком просвещения Грузии в 1921–1930 годах. С 1930 заместитель наркома в Наркомате внешней торговли СССР. Торговый представитель СССР в Швеции (01.06.1930 – 1934.12.12) и Германии (1935–1937). Был лично знаком со Сталиным с дореволюционного времени.

«Личные высказывания Шахта о заинтересованности влиятельных финансово-промышленных кругов Германии в экономическом сотрудничестве с Советским Союзом, подтвержденные по линии разведки, способствовали тому, что у Сталина и Молотова родилась иллюзия, о возможности длительного мирного сосуществования с Германией на почве экономических связей».

Ялмар Хорас Грили Шахт (1877–1970) – германский государственный и финансовый деятель, директор Национального Банка Германии (1916–1923), президент Рейхсбанка (1923–1930, 1933–1939), рейхсминистр экономики (1936–1937), рейхсминистр без портфеля (1937–1942). Один из главных организаторов военной экономики нацистской Германии.

Глава 4. Зимняя война с Финляндией

Секретный диалог

1939–1940 годы – период испытания договоренностей с Германией, испытания на выдержку немцев в связи с развертыванием наших военных действий в Финляндии. Как известно, в планировании военных операций в Финляндии было допущено много ошибок. Но разбирать их – дело не мое. Я только хочу коснуться так называемого финляндского вопроса в связи с тем, что перед нашей разведкой была поставлена задача – ускорить заключение мирного договора с финнами в марте 1940 года. Это было поручено выполнить отозванным в 1938 году в Москву резиденту НКВД в Хельсинки с 1935 года Б. Рыбкину (Ярцеву) и его заместителю и жене З. Рыбкиной. За эту операцию впоследствии Рыбкин (Ярцев) был награжден орденом «Знак Почета», а его жена – почетным знаком и грамотой «Заслуженный работник НКВД».

В январе-феврале 1940 года после провала нашего первого наступления на Карельском перешейке состоялась их поездка в Стокгольм, где наша разведка через посредничество заместителя министра иностранных дел Швеции Садлера начала предварительные зондажные контакты. Секретные переговоры вел Рыбкин. Для контроля переговоров и связи с финскими и шведскими агентами нашей резидентуры в Стокгольм одновременно был командирован один из активных участников «чистки» в ИНО НКВД в 1938–1939 годах, партийный выдвиженец А. Граур. Впоследствии он какое-то время в 1941 году возглавлял шведскую резидентуру НКВД, после чего был отозван в Москву. Работая в центральном аппарате как начальник отдела внешней разведки, Граур отличался особой подозрительностью к людям, что сыграло трагическую роль в судьбах некоторых наших разведчиков. Только после войны Граур был уволен, когда стало ясно, что он был психически серьезно болен: придя на прием к начальнику разведки П. Федотову, он «сознался» в своей работе на американскую разведку.

Так вот, на Рыбкина, который вел секретные переговоры, возлагалась исключительно ответственная миссия. Война с Финляндией вызвала резкую негативную реакцию на Западе. Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Несмотря на показной немецкий нейтралитет, мы прекрасно понимали, что если увязнем в этом конфликте, то он ослабит нас и толкнет на путь конфронтации с гитлеровцами, у которых были серьезные интересы на Балтийском море, хотя Финляндия признавалась с их стороны зоной наших интересов.

З. Рыбкина в Стокгольме в январе-феврале 1940 года провела огромную работу по подготовке секретных переговоров. Впрочем, секретными они были только для широкой общественности. Финское руководство прекрасно знало, что к подготовке мирного соглашения с русскими подключена Х. Вулиоки, известная писательница и доверенное лицо, «агент советского правительства». Поездка Вулиоки в Стокгольм и встреча с «супругами Ярцевыми» (с целью обсуждения условий предварительного соглашения о мире) проходила фактически с ведома и благословения финских властей. История этих переговоров – интересный пример того, как агент советской разведки с конца 1920 годов «Поэт» превратилась из информатора в политического посредника, деятельность которого в конечном счете принесла большую пользу обеим странам.

Однако финнам не было известно, какие соображения докладывал Рыбкин в правительство и руководство разведки о перспективах заключения мирного договора.

Сообщения Рыбкина были настолько важны, что направлялись не только в НКВД, но и в наркомат обороны. Главный вывод Рыбкина был таков: заключение мира абсолютно реально, но при условии нанесения финнам довольно серьезного поражения на фронте, которое делает невозможным дальнейшее затягивание переговоров. Он настаивал на продолжении бом-

бардировок военных объектов Финляндии, в частности линии Маннергейма, что должно было продемонстрировать безусловное превосходство воздушных сил Красной армии, учитывая, что авиация Финляндии была ее ахиллесовой пятой. Прорыв линии Маннергейма и выход нашей армии на оперативный простор, считал Рыбкин, предопределят неизбежную капитуляцию финнов. Он довольно точно указал незначительность угрозы высадки десанта западных стран в Финляндию. Как оказалось, Запад основные планы возлагал на англо-французскую десантную операцию, которую планировалось провести не в Финляндии, а в Норвегии, чтобы выйти к финской границе и воздействовать оттуда на развитие событий.

В свете сложившейся обстановки необходимо отметить, насколько весомым был в то время успех советской дипломатии и разведки. Начало военных операций Германии против Норвегии, столкновение немцев с англо-французским флотом и десантом произошло спустя две недели после заключения мирного договора с Финляндией. Таким образом Советскому Союзу удалось избежать втягивания в полномасштабный военный конфликт Второй мировой войны, развернувшийся на суше и на море в Скандинавии.

Финская кампания обнаружила крупные недостатки в ведении боевых действий и в организации разведки Красной армии. На повестку дня встал вопрос кадрового обновления в вооруженных силах и в органах госбезопасности. Это коснулось и нашей разведывательной работы в главных капиталистических странах. Мы, к сожалению, в 1938–1939 годах вынуждены были прибегнуть к консервации ряда важных источников нашей разведки в Германии, Франции, Англии, США, Маньчжурии в связи с бегством и предательством ряда руководящих работников, резидентов советской разведки и органов безопасности в 1937–1938 годах – Орлова-Никольского, Кривицкого, Порецкого-Рейса, Штейнберга и Люшкова.

«Дело 7 апреля»

Но вернемся к началу финских событий в апреле 1938 года. Очень много говорят о провалах и неудачах советской политики и просчетах в финской войне. Мои встречи и беседы с нашим резидентом в Финляндии Елисеем Тихоновичем Синицыным, которые проходили в 1987–1988 годах (в то время, когда он работал над книгой воспоминаний), дали мне возможность несколько по-иному взглянуть на то, что происходило накануне и во время боевых действий. Какова была роль разведки в обеспечении внешнеполитических целей СССР по отношению к Финляндии? Как действовала разведка в период войны? Каким образом взаимодействовали военная и внешнеполитическая разведки?

К финским событиям, которые были знаковыми для нашей внешней политики, мне довелось подключиться в сентябре 1939 года. Бытует точка зрения, что после подписания пакта Молотова – Риббентропа у Советского Союза были развязаны руки в отношении Финляндии. Однако, несмотря на признание балтийского пространства сферой наших внешнеполитических интересов, что было зафиксировано на советско-германских переговорах, руководство и командование вооруженными силами Германии не было заранее нами проинформировано о планах в отношении Финляндии. Тем не менее немцы о них узнали.

Нам стало известно из надежного источника через МИД Германии, что финны поставили в известность немцев о секретном зондаже Рыбкина в апреле 1938 года. В наших архивных материалах, насколько я помню, это фигурирует под кодовым названием «Дело 7 апреля».

Об этом, считаю, стоит рассказать подробнее, как и о феномене Рыбкина, передававшего тогда предложения советского правительства руководству Финляндии, причем втайне от советского посла в этой стране.

Еще в 1937 году руководство НКВД, в частности, Ежов как нарком выдвинул предложения по мирному урегулированию отношений с финнами и о необходимости закулисных пере-

говоров с ними. Рыбкин был назначен секретным уполномоченным советского правительства, поскольку именно он инициировал эти предложения.

Для Сталина и Молотова была подготовлена справка, в которой давалась оценка политики Финляндии и определялись пути сотрудничества с ней. В справке говорилось, что финское правительство не было германофильским и существуют реальные условия для того, чтобы парализовать немецкое влияние в Финляндии и вовлечь ее в орбиту воздействия СССР. В документе предлагалось поставить перед Хельсинки вопрос о заключении пакта о взаимопомощи с условием соблюдения неприкосновенности границ. Предлагалось гарантировать финнам поставки советского вооружения и техники. В справке также были приведены характеристики руководящих деятелей Финляндии, указывались возможности для активного негласного, но важного для нас сотрудничества с Аграрной партией Финляндии. (Впоследствии для создания партии мелких хозяев Рыбкину было передано около десяти миллионов финских марок наличными. Эти деньги были использованы для укрепления наших позиций в основном через министра финского правительства Пекалла и его брата, агента советской разведки.) Подготовленная Рыбкиным справка фиксировала наличие в стране мощного агентурного аппарата советской разведки, способного в известной мере оказывать воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Финляндии.

Кстати, о возможности ареста Рыбкина. На него имелся ряд показаний репрессированных сотрудников ИНО. Как руководящий работник, он был отозван в Центр в 1938 году, но поскольку «Дело 7 апреля» было возложено на Рыбкина, любое действие в отношении такого человека могло быть предпринято только с согласия Сталина. А финская тема оставалась приоритетной, несмотря на неудачное для нас завершение секретных переговоров летом 1938 года. Кстати, Рыбкин в беседе со Сталиным, Ворошиловым и Молотовым высказал сомнение, что финны пойдут на секретное соглашение с Советским Союзом. Как ценный работник, проявивший себя еще в 1929 году в перехвате тайной переписки Троцкого и его сторонников в компартии Германии, не вовлеченный ни в какие политические игры и фракции, он продолжал работать в Центре и пользовался полным доверием руководства. Да и на дворе уже стоял не 1937 год. И самое, может быть, главное. В связи с тем, что Рыбкин сохранил свое положение в Центре, не ставилась под сомнение действовавшая агентура в Финляндии. При смене руководства НКВД были лишь предприняты обычные меры по ее дополнительной проверке в новой политической обстановке накануне войны.

Для СССР военное решение финского вопроса было вынужденным шагом, ибо мирные переговоры с финнами о переносе границ закончились ничем. Таким образом с сентября по ноябрь 1939 года мы начали военные приготовления и смогли сохранить это в тайне от немцев и финнов.

Тем не менее напряженность осенью 1939 года в советско-финских отношениях нарастала, и финны демонстративно вели работу по укреплению своей границы, что, как им казалось, усиливало позиции на переговорах с нами. С этим были связаны обстоятельства, которые нас поначалу удивляли, – финская контрразведка не противодействовала советскому военному атташе в изучении будущего театра военных действий вблизи Выборга и на Карельском перешейке. Мы-то расценивали проникновение в эти районы как успех разведывательной операции. Финны же, демонстрируя нам мощь своих укреплений, давали понять, что нам потребуется длительная подготовка к военным действиям.

Однако, как известно, все произошло не так, как мы рассчитывали. Нашим военным руководством была допущена ошибка в оценке военных возможностей Финляндии. Считалось, что с нею удастся справиться силами войск Ленинградского военного округа. Внезапное нападение, которое было предпринято в ноябре 1939 года, застало и финнов, и немцев врасплох, поскольку никаких чрезвычайных перебросок наших войск ими зафиксировано не было. И тем не менее группировка Ленинградского военного округа потерпела поражение в попытке

прорвать с ходу оборону финнов на Карельском перешейке. Война с Финляндией преподнесла урок, недостаточно учитываемый и теперь. Скрытность и внезапность военного нападения не должны быть самоцелью военной или специальной операции. Необходимо тщательно просчитывать соотношение сил на театре военных действий и в особенности отрабатывать организационный механизм о развертывании военной кампании.

Следует отметить, что перед началом и во время военных действий в Финляндии наша военная разведка и органы НКВД располагали большим количеством разведывательных данных. Это объяснялось и тем, что репрессии практически обошли стороной руководителей разведки по Скандинавии, которые работали в ИНО. Не был подвергнут репрессиям и аппарат военного атташе, бесперебойно работавший в Финляндии в тридцатые годы. Однако информация о противнике, его тактике и вооружении, которую докладывали высшему руководству, по непонятным причинам не спускалась на уровень командиров армий, корпусов и дивизий, которым предстояло вести боевые действия. Не потому ли командование Красной армии в боях на Карельском перешейке ожидали очень большие и неприятные сюрпризы?

Ко мне понимание этого пришло не сразу, лишь в самый канун Отечественной войны, когда мы уже вели подготовку в ожидании нападения Гитлера. Тогда Н. Эйтингон разъяснил мне эти азбучные истины. Надо сказать, что роль Эйтингона в истории советской разведки в годы войны уникальна. Это был единственный руководитель разведки органов госбезопасности (кроме Н. Мельникова), имевший высшее военное образование. Но у Мельникова был накануне войны лишь небольшой опыт агентурно-оперативной работы. Эйтингон же в Академии штаба РККА учился вместе с будущими известными военачальниками – маршалами В. Чуйковым, Я. Головановым и другими.

Накануне войны был назначен новый резидент в Финляндии – Елисей Тихонович Синицын. В отличие от Рыбкина он был одновременно и временным поверенным в делах СССР, то есть исполнял обязанности посла. Синицын закончил разведывательную школу, во время событий в Польше участвовал в обеспечении деятельности нашей оперативной группы. Таким образом, имел опыт работы в экстремальной обстановке боевых действий, хоть и не очень большой. Но зато он в совершенстве владел немецким языком и проявил незаурядные способности к агентурной работе.

Очень часто противопоставляют разведку и дипломатию. На мой взгляд, это происходит от неправильного представления самой сути этой работы. В периоды военных конфликтов мы всегда держали в горячих точках резидентов, которые одновременно являлись и высшими должностными лицами советской дипломатии. Так было с Синицыным, когда он работал, что называется, на два фронта в Финляндии, так было и с А. Панюшкиным – резидентом и полпредом СССР в Китае, когда там шла гражданская война, потом война с Японией. И не совсем уж давний пример. Ветеран ИНО НКВД, закончивший разведывательную школу первого выпуска, А. Алексеев, он же Шитов, в решающий момент стал советским послом в Республике Куба. И делалось это в тех случаях, когда нужно было сосредоточить усилия дипломатов и разведки в одних руках и проводить активные дипломатические действия, опираясь на агентуру, которая была лично известна главному резиденту в стране.

Несколько слов о наших недостатках и упущениях в финских событиях. Известно, что в военном отношении операция по прорыву линии Маннергейма была плохо подготовлена. Сроки начала ее постоянно сдвигались. Большие недоработки были и с нашей стороны. Синицын вез с собой в Финляндию десяти миллионов финских марок для финансирования деятельности компартии и выезда финских коммунистов в Швецию, которые впоследствии, как мы планировали, должны были войти в правительство Куусинена. Перед отъездом Синицын получил неверную ориентировку от Берии о том, что война начнется не раньше, чем через три дня. Однако военный конфликт развернулся в день его приезда в Хельсинки. Со своим

аппаратом Сеницын попал под бомбежку нашей авиации. Бомбы сыпались рядом с советским посольством.

Вспоминается эпизод, когда Сеницын в октябре 1939 года был вызван в Москву для срочного доклада наркому иностранных дел Молотову как временный поверенный в делах. Встречали его представители наркома иностранных дел и с вокзала привезли в кабинет Молотова. Это вызвало резкое недовольство Берии: почему он как резидент не явился вначале с докладом к своему непосредственному начальнику?! После в кабинете Берии состоялся довольно нелестный разговор. Я присутствовал при этом вместе с Фитиным. Сеницын докладывал Берии. Он, как человек недостаточно опытный в аппаратных условностях, начал с информации, которую он только что доложил Молотову и как тот ее воспринял. Чтобы остановить Сеницына, я дважды наступал ему под столом на ногу. Только таким образом удалось прервать его. Ведь Берия ждал доклада не о политической обстановке в Финляндии, которую он и без Сеницына хорошо знал, а хотел услышать предложения по задействию и использованию агентов, бывших в его распоряжении, причем не только среди финских руководящих кругов, а и в МИДе, аграрной и социал-демократической партиях Финляндии.

Еще один любопытный момент. Поскольку Сеницыну не удалось до начала военных действий вывезти родственников Куусинена из Финляндии, а также в связи с большими иллюзиями относительно удачного исхода начавшейся кампании, в середине декабря 1939 года руководством было принято беспрецедентное решение – отправить резидента страны, с которой идет война, в отпуск до конца января 1940 года! И это в то время, когда срочно требовались какие-то справки, данные его личные наблюдения. Однако все обошлось благополучно. Фитин, исключительно доброжелательный и чуткий человек, устроил все так, чтобы Сеницын, не дай Бог, не попался на глаза ответственным работникам международного отдела ЦК, жаждавшим наказать его «за провал партийного поручения».

С Сеницыным связан еще один важный эпизод в истории разведки. Ему удалось установить наличие нового стрелкового оружия в финской армии. Это были знаменитые автоматы «Суоми», которые имели довольно плотное огневое покрытие. Они были особенно эффективны для боевых действий в лесных массивах. Нам удалось по ориентирам Сеницына через Швецию вывезти образцы автоматов в СССР. Однако, когда об этом доложили, правительство расценило эту информацию как желание НКВД вооружить свои войска автоматическим оружием. Наркомат обороны вынес заключение: автоматы являются эффективным оружием только для правоохранительных органов. Невероятно, но это так: никому не пришло в голову немедленно использовать их для перевооружения стрелковых войск нашей армии накануне войны.

Анализ уроков войны с Финляндией

Главным выводом для советской разведки после анализа военных действий в Финляндии стала необходимость регулярного обмена разведывательной информацией между НКВД, Разведупром Красной армии и разведуправлением наркомата Военно-морского флота. На совещании по итогам войны с Финляндией Сталин бросил резкие упреки начальнику Разведупра РККА И. Проскурову, после чего он был отстранен от должности. Связано это было с информацией резидентуры военной разведки и НКВД из Лондона и Парижа о намерениях англичан и французов в апреле 1940 года начать бомбардировки Бакинских нефтепромыслов. Информация об этом, кстати, была достоверной, но с одной существенной оговоркой относительно сроков. Сталин немедленно принял решение об увеличении нашей закавказской военной группировки в три раза. Сразу же после перемирия началась переброска туда с финского фронта войск, имеющих боевой опыт, в том числе сил и средств ПВО и ВВС. Эти меры в целом были оправданы. Сталин, безусловно, понимал, что изменение военной обстановки в Европе

сорвало англо-французские замыслы относительно наших нефтепромыслов, но он использовал неподтвердившиеся предупреждения о бомбардировках для критики руководства наркомата обороны за неудовлетворительные, как он считал, разведывательные операции и как предлог для снятия начальника военной разведки.

Впрочем, сообщения об угрозе англо-французского десанта в Скандинавии и бомбардировок Баку имели и другое важное последствие, когда разведывательная информация была быстро реализована наркоматом обороны. Разведка получила указания тщательно изучить ближневосточный театр военных действий. Тогда впервые с материалами, добытыми разведкой, были ознакомлены не только представители военной разведки, но и офицеры оперативного управления Генштаба.

Как я уже говорил, впоследствии это стало правилом – наиболее важные сообщения по военным вопросам по линии НКВД для оценки направлялись в разведывательное управление Генштаба. В его составе был образован специальный отдел военно-технической информации. Кроме того, к нам в НКВД стали регулярно поступать обзоры из разведывательных управлений Генштаба и ВМФ.

И наконец, хочу уточнить еще один момент. Утверждать, что только разведка по военно-дипломатической линии сыграла ключевую роль в завершении войны с Финляндией, было бы неверно. Более правильно подчеркнуть объективную ситуацию, создавшую благоприятные возможности для разведки в подготовке мирного договора с Финляндией. Во-первых, немцы напрямую не поддерживали Финляндию, они были заинтересованы в том, чтобы финны заключили с нами мирный договор, уступив территорию на Карельском перешейке, и сделать это советовали им неоднократно. Во-вторых, нейтральная Швеция оказалась между двух огней. Больше всего она боялась в этой войне потерять свой нейтралитет. Поэтому шведская дипломатия оказала нам всемерную поддержку в этом мирном урегулировании. Конечно, многое сделали и наши серьезные агентурные позиции в шведском дипломатическом ведомстве.

В заключение, говоря об уроках для разведки в финской кампании, следует подчеркнуть, что наркомат Военно-морского флота наиболее полно реализовал разведывательную информацию о складывающейся обстановке на Севере. Насколько я помню, накануне англо-германских военных действий в Скандинавии нарком Военно-морского флота адмирал Н. Кузнецов издал специальную директиву флотам о том, как действовать в условиях, когда Англия стремится восстановить утраченные рубежи для наступления на СССР, проводит подготовку к десантной операции в Норвегии с целью создать военно-оборонительный союз стран Скандинавии и Финляндии. В отличие от руководства наркомата обороны и Генштаба, Н. Кузнецов сумел не экспромтом, а заранее, на основе продуманной системы мер обеспечить высокую боеготовность своих соединений к отражению нападения гитлеровцев.

Не могу не сказать, что, когда Германия напала на Норвегию и началась англо-германская схватка, мы вздохнули с облегчением. Для нас это означало затяжку войны на Западе. Но, как показали дальнейшие события, силы противников, их планы были нам недостаточно известны. К этому следует добавить, что опыт боевых операций на фронтах Западной Европы после польской кампании нами также не был должным образом проанализирован и использован.

«З. Рыбкина в Стокгольме в январе-феврале 1940 года провела огромную работу по подготовке секретных переговоров».

Зоя Ивановна Воскресенская (по мужу – Рыбкина; 1907–1992) – советская разведчица и детская писательница. Лауреат Государственной премии СССР (1968). Полковник. С 1935 по 1939 год – заместитель резидента разведки НКВД в Финляндии. Официально выполняла обязанности руководителя советского представительства ВАО «Интурист» в Хельсинки. В дальнейшем Воскресенская-Рыбкина взаимодействовала с П. А. Судоплатовым. В Москву вернулась перед самой войной с Финляндией и занялась аналитической работой.

«Финское руководство прекрасно знало, что к подготовке мирного соглашения с русскими подключена Х. Вулиоки, известная писательница и доверенное лицо, «агент советского правительства».

Хелла Мария Вуолийоки (1908–1954) – финская писательница эстонского происхождения. Наиболее известные произведения – цикл Нискавуори: «Женщины Нискавуори», «Хлеб Нискавуори», «Молодая хозяйка Нискавуори» и др. В 1952 году была награждена высшей государственной наградой Финляндии для деятелей искусств – медалью «Pro Finlandia».

«На совещании по итогам войны с Финляндией Сталин бросил резкие упреки начальнику Разведупра РККА И. Проскурову, после чего он был отстранен от должности».

Иван Иосифович Проскуров (1907–1941) – советский военный деятель, Герой Советского Союза, лётчик, начальник Разведупра РККА (1939–1940), генерал-лейтенант авиации.

«В отличие от руководства наркомата обороны и Генштаба, Н. Кузнецов сумел не экспромтом, а заранее, на основе продуманной системы мер обеспечить высокую боеготовность своих соединений к отражению нападения гитлеровцев».

Николай Герасимович Кузнецов (1904–1974) – советский военно-морской деятель, Адмирал Флота Советского Союза (3 марта 1955). В 1939–1947 и 1951–1955 годах возглавлял советский Военно-морской флот (как Народный комиссар Военно-морского флота (1939–1946), Военно-морской Министр (1951–1953) и Главнокомандующий). Герой Советского Союза (1945). Его выдающаяся роль в Великой Отечественной войне стала достоянием общественности только в 1950-1980-е годы.

Глава 5. Специальные операции НКВД на западе страны в 1939–1940 годах

Наши шаги навстречу противнику

Прошло уже немало лет, но почти не обобщен материал, который был накоплен органами госбезопасности в ходе важных военных операций в западных Украине и Белоруссии, Буковине и Молдавии, осуществленных Красной армией в 1939–1940 годах. Очень мало написано и сказано об опыте разведывательной и контрразведывательной работы на территориях, занятых нами в соответствии с секретными протоколами. Между тем именно в это время мы напрямую столкнулись с деятельностью немецкой разведки в будущей полосе фронтовых операций. Созданные нами в исключительно быстром темпе агентурные позиции позволили уже в конце 1940 года составить довольно четкое представление о будущем театре военных действий.

В начале августа 1939 года, после моего возвращения из краткосрочной командировки в Западную Европу, по полученным важным сведениям становилось все более и более очевидным приближение военного столкновения. При распределении обязанностей среди заместителей Фитина, а их было несколько, мне было поручено заниматься подготовкой всех необходимых мер на случай начала военных действий.

Генштаб с самого начала выделял два главных направления в будущей войне. Первое – Западное, где Германия и Польша были основными противниками. Второе – Дальневосточное, здесь Япония, вне всяких сомнений, серьезно угрожала Советскому Союзу. Кстати, разгром Японии на Халхин-Голе совпал по срокам с заключением советско-германского соглашения о ненападении. Надо отметить, что перспектива развития военных действий на Дальнем Востоке была предметом большой озабоченности в Кремле, и тут нельзя не отдать должное квалифицированной работе нашей контрразведки, в особенности радиоконтрразведке и ее дешифровальному подразделению, которым успешно руководили Шевелев и Блиндерман.

Нам удалось подобраться к японским шифрам благодаря агентурным источникам в японском посольстве и кропотливой работе наших шифровальщиков. В отличие от советских посольств за границей, а также американских и английских, японские дипломатические миссии и военно-разведывательные органы, работавшие под их прикрытием, обменивались между собой текущей информацией, минуя доклады в свой центр в Токио. Скажем, японское посольство в Москве регулярно поддерживало связь с японским консульством в Вене, японским посольством в Хельсинки, японскими представительствами в Бухаресте, Турции, Италии. Благодаря этому мы имели широкий доступ к японской шифропереписке и разведывательной информации, получая таким образом уникальные сведения. Например, из сообщений японского консульства в Вене, перехваченного в конце августа 1939 года, стало известно, что резервы Японии на Халхин-Голе исчерпаны и никаких реальных планов перенесения военных действий на Дальний Восток и Забайкалье у японского командования нет. Заключение советско-германского пакта о ненападении окончательно охладило японцев.

Информация об этом, доложенная руководству страны, развязывала нам руки. Согласно советско-германскому протоколу, мы могли предпринять активные действия в Европе, но обстановка, складывающаяся на Дальнем Востоке, заставляла все делать с оглядкой на Японию. Теперь же мы могли усилить нашу группировку на Западном направлении за счет дальневосточных резервов без особых опасений. Важно было и то, что это обстоятельство позволило разработать меры по широкому маневру нашими силами и средствами в условиях ограниченных возможностей железнодорожного транспорта. Тем более что в это время руководство НКВД докладывало Сталину и Молотову о крупных недостатках в работе наркомата путей

сообщения, что не могло не отразиться на мобилизационных планах Красной армии. Положение было выправлено только в годы войны, когда перевозки на железных дорогах были буквально поставлены на «почасовой» контроль транспортного управления НКВД.

В августе 1939 года, как докладывал агентурный аппарат, организационно-мобилизационная работа в приграничных военных округах велась очень слабо. Отмечалась низкая боевая готовность ряда подразделений войск Белорусского военного округа, о чем неоднократно ставились в известность и правительство, и нарком обороны Ворошилов, а также начальники самостоятельных подразделений органов госбезопасности. Это послужило причиной для увольнения командующего войсками Белорусского военного округа И. Ковалева и назначения на эту должность К. Тимошенко, возглавлявшего в то время Киевский военный округ. (Впоследствии он показал себя собранным, волевым организатором взаимодействия различных родов войск в ходе операции в Польше, в связи с чем был назначен командующим войсками в финской войне, а затем возглавил наркомат обороны.) Видя явные промахи Ворошилова как наркома обороны и главнокомандующего, Сталин, вероятно, хотел расставить на ключевых должностях в наркомате обороны людей, имеющих опыт руководства боевыми действиями в новых условиях.

Нельзя не сказать о крупных недостатках и организационной неразберихе в ходе польской кампании и при вводе войск в Прибалтику, о чем руководству страны было известно. Военная контрразведка регулярно направляла важные сообщения о неблагоприятной обстановке в Военно-воздушных силах Красной армии, что выражалось в слабой организации взаимодействия различных родов войск и ВВС, плохом состоянии ПВО, особенно в приграничных военных округах, которые развернуты были во фронты.

Сейчас известно, что приказ о подготовке к выдвижению войск на территорию Восточной Польши и Западной Белоруссии последовал сразу же после первых дней нападения Германии на Польшу, однако, кроме командования пограничных войск, никто из руководителей разведки и контрразведки НКВД об этом не был проинформирован. Мобилизация офицеров запаса по линии госбезопасности и дополнительный набор из среды военных и партактива на службу в органы НКВД рассматривались нами лишь как проведение обычных учебных сборов и расширение штатов в связи с обострением международной обстановки. Знаменательно, однако, что учебные сборы по линии запаса НКВД были использованы для последующего комплектования разведывательных и контрразведывательных оперативных групп в процессе продвижения наших войск на Запад.

Особого внимания заслуживает и то обстоятельство, что в условиях начавшейся войны из чекистского и общевойска запаса, а иногда прямо из заключения на службу вернулись уволенные в результате чисток 1937–1938 годов опытные оперативные кадры. Это ныне широко известные А. Коротков, В. Фишер, Р. Абель, Е. Зарубина, Г. Хейфиц, К. Кукин, Ф. Парпаров и другие. Вместе с присоединившимися к ним из заключения и запаса Я. Серебрянским, И. Каминским, Н. Белкиным, М. Яриковым, П. Зубовым они также передали свой богатейший опыт молодым кадрам, включившимся в разведывательную работу после окончания Школы особого назначения. Таким образом, советская разведка выполнила свои задачи в годы войны, несмотря на тяжелейшие потери по линии репрессий.

В этот период резко возросла роль территориальных органов безопасности в ориентировании правительства относительно событий, происходивших в Западной Белоруссии и Прибалтике. Органы НКВД Белоруссии и Украины, транспортное управление докладывали о реальной обстановке на сопредельной территории, о продвижении немецких войск, о реакции в Польше в связи с поражением ее войск на основных фронтах. Наше выступление против поляков было неизбежным, поскольку мы должны были встретиться с немецкими войсками на рубежах, определенных соглашением, и преградить им путь к вторжению на западные территории Белоруссии и Украины. Нами учитывалось то обстоятельство, что «Карпатская Укра-

ина» разыгрывалась немцами и французами накануне войны как козырная карта против СССР. Поэтому нельзя было допустить, чтобы немецкие войска оккупировали территорию, где могла быть провозглашена независимая Западно-Украинская республика.

И наконец, еще одно обстоятельство. События в Польше показали исключительную важность взаимодействия территориальных органов безопасности и военного командования. В 1939 году впервые ориентировки Генштаба и Разведупра стали направляться в органы НКВД, в частности, развернутые сообщения о положении в Латвии, Литве с указанием характеристик войсковых частей, которые могут противодействовать движению Красной армии и сотрудничать с немецкими военными властями.

Директива НКВД о задачах работы в «освобождаемых районах Западной Украины и Белоруссии» обязывала все операции органов НКВД ставить в зависимость от действий военного командования. Речь шла о взаимодействии разведывательных и контрразведывательных органов прежде всего с военным командованием Красной армии. Наши же самостоятельные задачи были направлены на то, чтобы выявить и задержать участников, стоящих на оперативном учете, контрреволюционных белогвардейских формирований, таких как «Братство русской правды», «Российский общевойсковой союз», поскольку эти организации продолжали оставаться базой для антисоветской работы и шпионажа на отошедших к Советскому Союзу территориях.

Директива также гласила, чтобы мы ни в коем случае без крайней необходимости, за исключением участников беспорядков и уголовных преступлений, не задерживали немецкое население, проживающее как в Западной Украине, так и в Польше. Ряд немецких офицеров, попавших в плен к полякам, были освобождены и переданы нами Германии.

Происходящие события на западных рубежах СССР кардинально изменили оперативную обстановку и условия нашей деятельности. Чем дальше вместе с войсками мы продвигались на Запад, тем ошутимее становилось непосредственное соприкосновение с вероятным противником. Нами уже были установлены посещения руководителями немецкой разведки – абвера – Прибалтики. Немцы исходили из того, что присутствие частей Красной армии в Прибалтике, в Белоруссии и в Восточной Польше с 1939 года в полосе, которая им знакома, создавало очень большие возможности для изучения Красной армии, ее организации, структуры, средств связи, уровня боеготовности войск. В этом они опирались на националистические и военизированные организации Прибалтики.

Приезды туда шефов абвера Канариса и Пикенброка еще более активизировали широкую агентурную сеть. Тем не менее в прибалтийских странах мы располагали неплохими возможностями для выявления деятельности немецкой разведки, поскольку их основные разведывательные центры были нам известны. В сентябре 1939 года нашим службам удалось проникнуть в немецкую агентурную сеть на территории Западной Украины.

Появилась возможность использовать украинские националистические организации, которые в то время вели ожесточенную борьбу за власть. Создание же советско-немецкой комиссии по репатриации открывало возможность нашей агентуре проникать на оккупированную немцами территорию под видом беженцев или лиц немецкого происхождения. Соглашение, заключенное между нами и немцами, беспрепятственно разрешало беженцам переселяться на территорию Варшавского генерал-губернаторства и даже в Германию, что для нас было особенно важным. Мы ориентировали своих агентов на длительное пребывание там с целью активно изучать немецкое население, живущее в Прибалтике и на Западной Украине, а также насаждать и вербовать агентуру из тех, кто переселялся в Германию. Эта операция была утверждена Берией и Меркуловым. Когда речь пошла о подготовке вывода на немецкую территорию ряда наших агентов, к этому подключили и меня.

В канун 1940 года перед нами встал вопрос нового комплектования кадров органов госбезопасности. Было принято специальное постановление правительства, согласно которому на

службу в органы привлекались лица из коренных национальных меньшинств, проживавших на освобожденных нами территориях Польши, Украины, Румынии. Разумеется, имелись в виду те, кто прошел тщательную проверку. Лучшей рекомендацией была работа в подполье, в комсомоле, взаимодействие с подпольными партийными организациями. Среди чекистов призыва 1940 года был и прошедший школу подпольной работы в Румынии, ставший потом партизаном и разведчиком-нелегалом Герой Российской Федерации Ю. Колесников.

На освобожденной территории

В конце 1939 года пребывание советских войск в Прибалтике и в Западной Украине было оформлено подписанием международных соглашений с правительствами Литвы и Латвии. Упорядочился вопрос фильтрации и проверки беженцев, переселявшихся на эти территории, утверждены были инструкции по опросу нарушителей. И самое главное – нами были вскрыты попытки противника всячески активизировать изучение всего, что касалось будущих военных действий Красной армии. Мы захватили ценные материалы и архивы агентов польской разведки, которые имели непосредственный выход на Германию. Их немедленно отправили в Москву, где была начата работа по использованию их контактов и связей, которые поддерживались польскими консульствами на территории Советского Союза.

После окончания военных действий во Франции немецкая разведка резко активизировала свои действия против СССР. Мы засекли сосредоточение немецких войск вблизи советской границы, что, естественно, вызвало соответствующую настороженность в Москве. После поступления первых же сигналов была принята директива о том, чтобы каждые десять дней направлялись сводки о действиях гитлеровцев на оккупированной территории. Эта директива была разослана в пограничные войска, в местные территориальные органы безопасности и в органы военной контрразведки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.